

ВЕСТНИК МГПУ.

СЕРИЯ «ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ».

**MCU JOURNAL
OF PHILOSOPHICAL SCIENCES**

№ 2 (46)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ / PHILOSOPHICAL JOURNAL

**Издается с 2009 года
Выходит 4 раза в год**

**Published since 2009
Quarterly**

**Москва
2023**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И. М. председатель	ректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор педагогических наук, доцент, почетный работник общего образования Российской Федерации, член-корреспондент РАО
Рябов В. В. заместитель председателя	президент ГАОУ ВО МГПУ, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО
Геворкян Е. Н. заместитель председателя	первый проректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор экономических наук, профессор, академик РАО
Агранат Д. Л. заместитель председателя	проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ, доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Жукоцкая А. В. главный редактор	профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ, доктор философских наук, профессор
Черненко С. В. заместитель главного редактора	доцент общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ, кандидат философских наук, доцент
Осмоловская С. М. ответственный секретарь	доцент общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ, кандидат социологических наук
Кожевников С. Б.	профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ, доктор философских наук, профессор
Бирич И. А.	профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ, доктор философских наук, доцент
Мамедова Н. М.	профессор кафедры истории и философии Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, доктор философских наук, профессор
Савченко И. А.	профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ, доктор социологических наук
Хилханов Д. Л.	профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ, доктор социологических наук, профессор
Оганисян А. О.	профессор кафедры философии и логики им. академика Георга Брутяна Армянского государственного педагогического университета им. Хачатура Абовяна, доктор философских наук
Чжан Байчунь	профессор Института философии Пекинского педагогического университета, кандидат философских наук

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

СОДЕРЖАНИЕ

Слово главного редактора

Задачи номера	7
---------------------	---

Социальная философия

<i>Васильев В. В.</i> Социальная неопределенность как предмет социологического анализа	8
<i>Жукоцкая А. В., Черненко С. В.</i> Глобальные вызовы современности и духовный выбор	23

История идей и современность

<i>Макаев Р. С., Кожевников С. Б.</i> Проблема методологии исследования истории суфизма	32
--	----

Философия культуры

<i>Хилханов Д. Л.</i> Феномен Другого в современных условиях	47
<i>Волобуев А. В.</i> Индусский этнорелигиозный фундаментализм	59

Философия образования

<i>Казенина А. А., Сахарова М. В.</i> Традиции и новации в ценностном восприятии деятельности современного студента (воспитательный потенциал досуговой деятельности)	68
--	----

Исследование молодых ученых

Табасаранский Р. С. Миграция в современном мире: трансформация из социального явления в социальный институт 76

Требования к оформлению статей..... 90

C O N T E N T S

Word of Editor in Chief

The Objectives of the Issue	7
-----------------------------------	---

Social Philosophy

<i>Vasiliev V. V.</i> Social Uncertainty as a Subject of Sociological Analysis.....	8
--	---

<i>Zhukotskaya A. V., Chernenkaya S. V.</i> Global Challenges of Modernity and Spiritual Choice	23
--	----

History of Ideas and Modernity

<i>Makaev R. S., Kozhevnikov S. B.</i> The Problem of Research Methodology of the History of Sufism	32
--	----

Philosophy of Culture

<i>Khilkhanov D. L.</i> The Phenomenon of the Other in Modern Conditions	47
---	----

<i>Volobuev A. V.</i> Hindu Ethno-Religious Fundamentalism	59
---	----

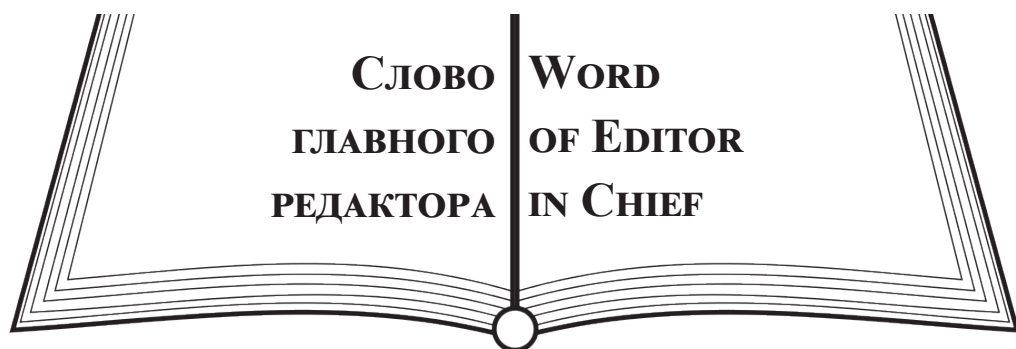
Philosophy of Education

<i>Kazenina A. A., Sakharova M. V.</i> Traditions and Innovations in the Value Perception of the Modern Student's Activity (Educational Potential of Leisure Activities).....	68
--	----

Research by Young Scientists

Tabasaranskiy R. S. Migration in the Modern World:
Transformation from a Social Phenomenon
into a Social Institution 76

Requirements for Style Articles 90

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

WORD OF EDITOR IN CHIEF

Задачи номера

По мере развития и усложнения социума растет необходимость осмысления самых актуальных проблем и феноменов, оказывающих влияние на жизнь на общества и человека. Современное общество уже почти четверть века переживает глобальные трансформации, что привело к состоянию, которое исследователи характеризуют понятием социальной неопределенности. Социальная неопределенность — феномен многогранный, многовекторный и противоречивый, так как имманентно содержит в себе различные вероятные сценарии развития будущего, как деструктивные, так и созидательные. В сформировавшемся поле глобальных вызовов (экономических, политических, информационных, технологических, духовных и т. д.) мы не можем с высокой долей вероятности предположить, какой из сценариев будет реализован. Именно поэтому так важны социально-философские исследования в сфере анализа современных рисков и угроз, трансформации ценностей и смыслов, интеграции традиций и новаций, обеспечивающих устойчивость развития общества, поиск духовного

выбора человека и человечества, с целью выработки адекватных стратегий поведения. Для выработки коллективной культурной идентичности базовой основой выступает феномен Другого. Кто этот «другой» — враг, друг, посторонний — и как к нему относиться? От ответов на эти вопросы зависит многое — от определения необходимой культурной дистанции между социальными группами и общностями до прогнозирования векторов социокультурной динамики общества в целом. Анализ существующих социальных феноменов, а также идеологий, символов, мифологем и ритуалов позволяет увидеть, как в них аккумулируются, конструируются, а затем превращаются в социальные практики различные стратегии социального и политического действия. Эти направления исследований имеют огромное практическое и воспитательное значение, позволяя обнаружить те диссонансы и противоречия, которые возникают в процессах социализации, гражданского самоопределения, становления мировоззрения и формирования всего спектра идентичностей у современной молодежи.

Аналитическая статья

УДК 101.1:316

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.46.2.1

СОЦИАЛЬНАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Васильев В. В.

Самарский филиал Московского городского педагогического университета,

Самара, Россия,

Vasilev-429@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0643-8911>

Аннотация. В статье анализируются специфические черты и особенности феномена социальной неопределенности через призму современных тенденций социологических исследований, отражающих междисциплинарный исследовательский синтез. В статье отмечается, что социологи исходят из понимания социальной неопределенности как сложного, противоречивого и многогранного феномена, одновременно и определяющего, и отражающего динамику развития общества. Автор подчеркивает, что социологическая методология, с одной стороны, позволяет рассматривать внешние условия, влияющие на общественную организацию, а с другой — анализировать результат отношений и взаимодействия всех акторов социальной системы. Делается вывод о возможности исследования неопределенности в контексте вариантов социального времени. В контексте анализа социальной неопределенности используется понятие социального вектора, характеризующего полярность направлений и рассогласованность современного социального поля и позволяющего сделать вывод о том, что уровень неопределенности в обществе будет резко и непредсказуемо возрастать, с последующим относительным снижением. Приводятся области проявления векторов социальной неопределенности, в числе которых: экономическая и социальная среда, отдельные социальные группы и процессы, общественное сознание и мышление человека. Отмечается отход в современной социологической методологии от одностороннего подхода к объективным социальным противоречиям как к негативным условиям и ситуациям, которые требуют однозначного преодоления.

© Васильев В. В., 2023

Ключевые слова: социальная неопределенность, социологические исследования, междисциплинарность, социальное время, нестабильность, социальные векторы, социальная структура

Для цитирования: Васильев В. В. Социальная неопределенность как предмет социологического анализа // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2023. № 2 (46). С. 8–22. DOI: 10.25688/2078-9238.2023.46.2.1

Analytical article

UDC 101.1:316

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.46.2.1

SOCIAL UNCERTAINTY AS A SUBJECT OF SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Vladimir V. Vasiliev

Samara Branch of Moscow City University (SFMGPU),

Samara, Russia,

Vasilev-429@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0643-8911>

Abstract. The article analyzes the specific features and characteristics of the analysis of the phenomenon of social uncertainty through the prism of modern trends in sociological research, reflecting an interdisciplinary research synthesis. The article notes that sociologists proceed from the understanding of social uncertainty as a complex, contradictory and multifaceted phenomenon that both determines and reflects the dynamics of society's development. The author emphasizes that sociological methodology, on the one hand, allows us to consider external conditions that affect the social organization, and on the other hand, to analyze the result of the relationship and interaction of all actors of the social system. It is concluded that it is possible to study uncertainty in the context of social time options. In the context of the analysis of social uncertainty, the concept of a social vector is used, which characterizes the polarity of directions and the mismatch of the modern social field and allows us to conclude that the level of uncertainty in society will increase sharply and unpredictably, followed by a relative decrease. The areas of manifestation of the vectors of social uncertainty are given, including: the economic and social environment, individual social groups and processes, public consciousness and human thinking. There is a departure in modern sociological methodology from a one-sided approach to objective social contradictions, as negative conditions and situations that require unambiguous overcoming.

Keywords: social uncertainty, sociological research, interdisciplinarity, social time, instability, social vectors, social structure

For citation: Vasiliev, V. V. (2023). Social uncertainty as a subject of sociological analysis. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 2 (46), 8–22. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2023.46.2.1>

Социальная неопределенность выступает в качестве одного из ключевых понятий целого ряда междисциплинарных исследований общественного развития. Принцип трансдисциплинарности (кроссдисциплинарности) организации гуманитарного знания, по мнению А. В. Жукоцкой, помогает приблизиться к объяснению и решению проблем сверхсложных социальных систем, которые не могут быть решены в рамках какой-либо одной научной дисциплины [Жукоцкая, 2021, с. 95]. Современные тенденции социологических исследований отражают подобный междисциплинарный синтез, что позволяет исследователям рассматривать базовые социокультурные составляющие социума в качестве факторов, оказывающих определяющее воздействие на деструкцию социальных связей [Ястребова, 2015, с. 146].

Социологи исходят из понимания социальной неопределенности как сложного, противоречивого и многогранного феномена, одновременно и определяющего, и отражающего динамику развития общества. Рассматриваемая методология, с одной стороны, позволяет изучать внешние условия, влияющие на общественную организацию, а с другой — анализировать результат отношений и взаимодействия всех акторов социальной системы (субъект-субъектного или субъект-объектного). При этом учитывается широкий спектр как количественных, так и качественных характеристик взаимодействующих элементов, к которым могут быть отнесены: культурные ценности и морально-правовые нормы, условия социального взаимодействия, типологические особенности социальных групп, психологические особенности личности и т. д. Значительные структурные изменения общества и связанная с ними нестабильность современной социальной динамики заключается, согласно взглядам ряда социологов, в столкновении ценностей и стилей [Пакина, 2012 с. 39], разрыве в эстетических пристрастиях, наиболее распространенных формах бытового общения, культурных образцах и практиках взаимодействия между представителями различных стран [Васенина, Липатова, 2014, с. 20].

Таким образом, анализ социологического подхода к изучению социальной неопределенности позволит глубже раскрыть содержательную сущность данного феномена через элементы социальной структуры, которые, по мнению исследователей, в первую очередь попадают под воздействие неопределенности, выявить степень их вовлеченности в эти процессы. Рассмотрение многообразия проявлений неопределенных состояний при помощи социологической методологии позволит конкретизировать поле неопределенности во времени, а также на различных уровнях социального пространства, представляя направления и плотность социальных векторов, динамику и тенденции социальных взаимодействий.

Социология предоставляет возможность исследования неопределенности в контексте социального времени, так как исходит из признания двух фундаментальных особенностей всех общественных явлений — последовательности и продолжительности. Анализ темпоральной протяженности (количественная характеристика) времени, а также особенных качественных характеристик

времени протекания социальных процессов, обусловил формирование нескольких специфических точек зрения по данной проблеме.

Наиболее распространенной позицией является констатация постоянного и реального присутствия социальной неопределенности в жизни общества: «Неопределенность ощущается современным человеком по-особому, как непреходящее и естественное состояние. Она не воспринимается как катастрофа, потому что такое состояние вполне можно терпеть, более того, можно вполне удачно в нем существовать» [Осьмук, 2010, с. 85].

Альтернативные взгляды основаны на дискретном характере исследуемого феномена, возникающего под воздействием каких-либо экстраординарных явлений или процессов и протекающего в конкретных временных границах. В частности, В. В. Михеева считает, что степень и характер социальной неопределенности могут варьироваться от краткосрочных состояний кризиса до крайней неопределенности, выраженной в неструктурируемости, т. е. невозможности построения модели социального процесса, системы, адекватной реальности [Михеева, 2014, с. 24]. Абстрагирующиеся от конкретного количественного социального времени и пространства, но четко детерминируемые этапы и ритмы социальной неопределенности, представлены В. П. Бабинцевым, Г. Н. Гайдуковой, Ж. А. Шаповал как последовательность относительно коротких циклов кризисных ситуаций в развитии общественной системы в целом и ее подсистем между точками бифуркации [Бабинцев, Гайдукова, Шаповал, 2020, с. 96].

Характеризуя феномен социальной неопределенности с позиции социального времени, исследователи склонны учитывать прежде всего его качественную, онтологическую, внутреннюю ипостась. Именно поэтому, на наш взгляд, не сформировалось единого отношения к продолжительности, темпу, ритмичности, фазам и хаотичности неопределенности общественных процессов.

На наш взгляд, сейчас становится все более очевидно, что социальная система детерминируема именно постоянной неопределенностью причин и результатов действий социальных акторов. Экономический дисбаланс, несовершенство распределения основных ресурсов, социальное и технологическое неравенство, информационное влияние на сознание, полярность форм социального поведения — вот далеко не полный перечень процессов, постоянство и непредсказуемость которых в последние несколько столетий не позволяет согласиться с позициями ряда исследователей о том, что социальная неопределенность носит неkontинуальный характер.

Исходя из того, что общественное развитие характеризуется неопределенностью, для исследователей-социологов актуальным становится рассмотрение динамики неопределенности (снижение – возрастание). Эти изменения, помимо уже отмеченных выше временных параметров, могут характеризоваться направлениями (сферами) проявлений (социальные векторы) и интенсивностью (частотой повторения) форм социального взаимодействия (плотность социальных векторов).

Чаще всего социальные векторы понимаются как направленность социальной политики (медицинское обслуживание, занятость, образование, социальные льготы и гарантии) [Байматов, 2014, с. 198]. В основе используемого нами понятия социального вектора лежат реальные и наиболее выраженные темпоральные направления и тенденции существования общества и человека, возникающие преимущественно как реакции на внешние воздействия. Различные философские, научные и практико-ориентированные основания этих процессов обуславливают полярность и неустойчивость социальных векторов [Ан, Глиос, Дик, 2019, с. 42]. Векторы современного социального поля в условиях процесса самотрансформации могут совпадать, но при определенных условиях могут различаться и даже противостоять друг другу. Подобное рассогласование и может обуславливать социальную неопределенность.

Структурно-функциональная связь между элементами социальной системы и результатами их взаимовлияния, как уже отмечалось, характеризуется плотностью. В числе подходов к ее рассмотрению может быть представлена интегративная точка зрения Н. Элиаса, акцентирующая, по мнению М. М. Кузьмина и его соавторов, внимание на двух взаимосвязанных элементах, свойственных сообществу: локальности и социальной плотности [Кузьминов, Санадзе, Шевченко, 2019, с. 131]. Исследователи выводят проблему социальной плотности из актуальности анализа социального единства в различных группах и сообществах как объектах с высокой степенью сплоченности их участников. При этом, проводя параллель с динамической или моральной плотностью, о которой Эмиль Дюркгейм говорил в своей работе «О разделении общественного труда», рассматривают социальную плотность как совокупность двух понятий: плотность взаимодействий участников сообщества и их моральное единство [Дюркгейм, 1996, с. 263].

По аналогии с понятием «социальная плотность» автор, чтобы подчеркнуть, что при анализе социальной неопределенности сторонники социологического подхода выделяют как разнонаправленные тенденции, так и совпадения векторов социальных изменений, считает возможным использовать понятие «плотность социальных векторов» — отношение числа фактически имеющих социальную плотность взаимодействий к максимально возможному количеству в том или ином направлении, которые характеризуются накоплением каких-либо качеств или свойств, влекущие за собой инновационные изменения в социальной системе.

Увеличение разнообразия направлений социальных векторов и снижение степени их плотности выражается в неопределенности результатов реализации потенциальных возможностей человека, приводит к изменению аксиологических ориентиров, разнообразию и спонтанности форм социального взаимодействия, в том числе к конфликтам и рискам, а также к возникновению новых социальных групп.

Использование указанных параметров в ходе рассмотрения работ исследователей, стремящихся выявить и объяснить тенденции во взаимодействии социальных субъектов, позволяют выделить три точки зрения на динамику

социальной неопределенности: возрастание, снижение и состояние постоянного стабильного присутствия в социуме.

Большинство авторов склонны констатировать постепенное нарастание неопределенности и непредсказуемости в конкретных социально-экономических условиях.

Так, И. С. Помазкова говорит о нарастающей тенденции роста социальной неопределенности и формировании пространства неопределенности как реального пространства реализации жизненных практик, стратегий и планов молодого поколения [Помазкова, 2011, с. 19]. К подобным же выводам приходит и Н. Е. Шилкина, которая через призму особенностей адаптации студенческой молодежи к современным условиям фокусирует внимание на характеристике возрастания социальной неопределенности и риска, усилении противоречий рассогласования индивидуальных и общественных интересов, усилении и одновременно рутинизации и культивировании стихийных, спонтанно возникающих и субъективистски ориентированных адаптационных практик, вступающих в противоречия с институциональными ожиданиями социальных групп в отношении друг друга [Шилкина, 2015, с. 6]. Ю. А. Зубок также пишет о радикальных изменениях социальной структуры и росте непредсказуемости жизненных траекторий молодежи [Зубок, 2006, с. 90].

Другая позиция, выраженная мнением В. П. Бабинцева, Г. Н. Гайдуковой, Ж. А. Шаповал, связана с отсутствием сколько-нибудь явной эскалации проявлений исследуемого феномена. В ходе анализа особенностей регионального развития субъектов РФ авторы пришли к выводу, что нарастающая динамика социальной неопределенности отсутствует, а социальная нестабильность характеризуется только как латентный фактор развития в среднесрочной перспективе [Бабинцев, Гайдукова, Шаповал, 2020, с. 103].

Снижение социальной неопределенности рассматривается в качестве третьего варианта динамики исследуемого феномена. Целенаправленные социальные действия позволяют достичь относительной стабильности социальных отношений. Примером подобных действий, с точки зрения А. В. Пелина, является следование традициям. «Традиционное поведение снимает дискомфорт с помощью высокой прогнозируемости. Оправдываясь, ожидания в традиционных схемах взаимодействия практически полностью устраняют неопределенность» [Пелин, 2012]. Согласимся, что традиции, имеющие глубокие исторические корни и выражающиеся в коллективном поведении, оказывают стабилизирующее воздействие на современность. Характерные для традиции инертность и консервативность в способах социального реагирования вступают в противоречие с тенденцией неопределенности, направленной на дестабилизацию. Подобным образом, характеризуя связи между людьми, обеспечивающие общественный порядок, П. Штомпка к одному из типов общественного согласия отнес «согласованность “коллективных представлений”», опирающихся на общие традиции и повседневные правила поведения» [Штомпка, 2005, с. 24], при этом, по его мнению, идеи и нормы прошлого используются «с точки зрения нынешних

потребностей, ожиданий, стандартов» [Штомпка, 2005, с. 264]. Таким образом, по мнению социологов, чем выше в обществе степень укорененности норм, ценностей, правил и следования им, тем эффективнее будет снижение социальной неопределенности и преодоления «травмы перемен».

И, наконец, еще одна точка зрения, нашедшая своих сторонников, заключается в том, что момент возникновения и вероятные направления динамики социальной неопределенности трудно предсказать. Так, по мнению Ю. К. Ахапкина, темпы обновления технологий, стихийные бедствия, этнические, религиозные и национальные столкновения, терроризм порождают социальную напряженность, решение проблемы которой зависит от духовно-интеллектуального потенциала человека — «слабого места в социальных и технических системах». Поэтому гуманистическая интерпретация информации может привести либо к корректным и адекватным решениям проблем, либо к катастрофическим последствиям, затрагивающим большинство людей в социуме [Ахапкин, 2008, с. 3–4].

Таким образом, каждый из представленных подходов к пониманию направления динамики социальной неопределенности может обосновываться, с одной стороны, изменением направлений социальных векторов: расширением реального пространства реализации жизненных практик, стратегий и планов молодого поколения; усилением противоречий, рассогласования индивидуальных и общественных интересов; стихийными, спонтанно возникающими и противоречивыми адаптационными практиками; непредсказуемостью жизненных траекторий молодежи. С другой стороны, изменением плотности социальных векторов, на которую влияют: традиционное поведение, непрерывное развитие духовно-интеллектуального потенциала человека, постоянный анализ непредсказуемых событий, их прогнозирование и предотвращение.

По нашему мнению, в сложившихся современных постоянно нелинейных условиях социальной среды маловероятно снижение уровня социальной неопределенности. Гораздо более реалистичной представляется точка зрения, согласно которой уровень неопределенности в обществе будет резко и непредсказуемо возрастать, с последующим, через какое-то время, относительным снижением.

Анализируя неопределенность социальных отношений, исследователи-социологи обращают внимание еще на одну характеристику — непосредственную область проявления ее векторов. Формирование векторов неопределенности, в основе которых лежит нарушение устоявшихся взаимосвязей и отношений между элементами, происходит на личностно-индивидуальном, общественном и институциональном уровнях, а векторными траекториями неопределенности становятся изменения в социальных ролях индивидов и групп, мировоззрении, социальном потенциале и возможностях его реализации (социальном поведении).

Так, одни авторы указывают на конкретное социальное пространство, в котором реализуются жизненные практики. В частности, у И. С. Помазковой

это стратегии и планы молодого поколения [Помазкова, 2011, с. 4]; другие находят проявление неопределенности в характере, мотивации и деятельности людей, выражающихся в постоянном расширении спектра социальных девиаций [Кравченко, 2014, с. 7]; третьи считают, что открытость современных систем способствует возникновению разрывов в социальном пространстве, общественном и индивидуальном сознании, выражающихся в размывании границ культур и стран, а также привычных структур в их традиционном значении [Васенина, 2014, с. 20; Михеева, 2014 с. 26].

Следующая группа авторов считает, что увеличение поля неопределенности происходит во всех без исключения сферах общественной жизнедеятельности [Белая, 2017, с. 25; Ахапкин, 2008, с. 3]. Так, в исследовании У. Бека отмечается ее проявление «во всей материи, включая социальные реалии и пространство», Ю. К. Ахапкин видит неопределенность в «социальной действительности» [Ахапкин, 2008, с. 8], а Т. А. Пакина и В. В. Михеева говорят об «окружающей социальной среде» [Пакина, 2012, с. 39; Михеева, 2014, с. 24]. При этом следует подчеркнуть, что отдельные авторы делают акцент на уточняющих характеристиках социального пространства, подверженного неопределенности, к которым относятся: временные — современное, повседневное и становящееся [Бек, 2000, с. 55; Кравченко, 2014, с. 7; Шилкина, 2015, с. 196]; качественные — сложное, традиционное [Кравченко, 2014, с. 7; Белая, 2017, с. 24]; пространственно-территориальные — глобальное, региональное [Шилкина, 2015, с. 4; Бабинцев, Гайдукова, Шаповал, с. 103].

Изучение точек зрения социологов также показало, что актуальным аспектом проблемы социальной неопределенности является место данного феномена на различных уровнях социальной реальности. В частности, в своей концепции Ю. А. Зубок выделяет макрообъективный и макросубъективный уровни [Зубок, Чупров, 2010]. И если надсубъектность (по сути, объективность), рассматриваемого феномена очевидна, то субъективные особенности и характеристики социальной неопределенности детерминированы особенностями восприятия и реакциями членов общества, в числе которых: субъективно сконструированные образы ожидаемых в будущем опасностей [Бек, 1994, с. 167]; субъективные смысловые контексты и общественные процессы [Шилкина, 2015, с. 115]; субъективность восприятия [Ахапкин, 2008, с. 13].

Исходя из этого, исследователями социальной неопределенности подвергается сомнению рациональность социального взаимодействия. В частности, по мнению Р. Г. Хлопушина, государственные социальные институты, негосударственные и общественные организации, система государственного управления в целом [Хлопушин, 2005, с. 19] могут быть крайне неэффективны вследствие многочисленных фактов проявления неопределенности элементов их составляющих.

Анализ проявления неопределенности в социально-экономической среде также выступает в ряду приоритетных исследований социологов. Например, согласно взглядам Т. А. Пакиной, неопределенность хозяйственной деятельности

заключается в правовой и финансово-хозяйственной нестабильности [Пакина, 2012, с. 40], а, по мнению И. В. Васениной и М. Е. Липатовой, неопределенность заключается в разрыве механизмов исторической, экономической и политической преемственности [Васенина, Липатова, 2014, с. 20]. В целом концепции исследователей относительно взаимосвязи социальной неопределенности с экономическими и политическими сферами не ограничиваются анализом локальных и региональных процессов [Матюх, 2011, с. 185], а используют общемировой контекст [Мещерякова, 2015, с. 134], в котором феномен глобализации влияет на неопределенность прогнозирования [Матюх, 2011, с. 185], этнические, религиозные, национальные отношения [Ахапкин, 2008, с. 3], системы международного права, миграционные процессы и т. д. [Бабинцев, Гайдукова, Шаповал, 2020, с. 96].

Принимая во внимание происходящие изменения в современных обществах, а также то, что неопределенность как феномен, входя в понятийный аппарат социологии, относится ко многим аспектам социальных преобразований, становится актуальным анализ, адекватно отражающий эти изменения.

В результате трансформации структуры общества, вследствие радикальных социально-экономических реформ 90-х годов в России, согласно концепции Т. А. Пакиной, активно протекали процессы социальной дезорганизации и дезадаптации, обусловившие глубокий системный кризис общества, характеризовавшийся многовекторностью, высоким темпом реализации изменений и неопределенностью настоящего и будущего страны [Пакина, 2011]. Социальная эволюция в переходных общественных условиях протекает, по мнению Ю. А. Зубок и В. И. Чупрова, под влиянием социальной неопределенности и нелинейности социальных процессов, в основе которых лежит нарушение действия целеориентированных способов регуляции [Зубок, Чупрова, 2010].

Формируемое под влиянием неопределенности социальное пространство, определяется взаимодействием различных субъектов, для которых характерно рассогласование интересов и противоречивость взаимодействия [Дунаева, 2008]. Чаще всего таковыми субъектами указываются социальные группы, основанные на социальной стратификации [Пелин, 2012; Пакина, 2012, с. 39; Шилкина, 2015, с. 6], в том числе наиболее подверженной неопределенности указывается молодежь как становящаяся социальная группа с неустойчивым, еще только формирующимся сознанием [Пакина, 2012, с. 39]. Процесс ее становления напрямую связан с усвоением молодым поколением социальных и культурных норм [Пакина, 2012, с. 39], освоением различных социальных ролей. Чаще всего условием протекания данных процессов становится именно социальная неопределенность, преодоление которой, посредством значимых традиционных институтов семьи и образования [Касьянов, Кротов, Самыгин, 2017 с. 43], представляет собой одну из главных особенностей современной социализации молодежи, влияет на ее характер и направленность [Самыгин, 2008, с. 10].

Наращение интенсивности проявления социальной неопределенности, по мнению ряда исследователей, непосредственно связано с мышлением

человека [Белая, 2017, с. 25; Цой, 1999], индивидуальным и массовым сознанием [Михеева, 2014 с. 26; Бабинцев, Гайдукова, Шаповал, 2020, с. 98] и выражается в динамике факторов, вызванных рядом процессов. К наиболее актуальным из них следует отнести: противоречия современных межличностных коммуникаций и традиционной ментальности; радикальное изменение духовно-нравственных и ценностно-нормативных систем [Касьянов, Кротов, Самыгин, 2017, с. 43] общества, выступающих в качестве поведенческих ориентиров и стратегий [Пакина, 2012, с. 39]; снижение роли смыслопроизводящих институтов (семья, образцы поведения мужчины и женщины и т. д.) [Бек, 2020, с. 5] и моральных норм [Бек, 1994, с. 163]. Таким образом, констатируемые противоречия ценностных ориентиров, мировоззренческих установок, коллективных представлений и конвенционально принятых норм являются содержательным аспектом социологических исследований взаимосвязи социальной неопределенности и массового сознания.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что социологические концепции позволяют представить спектр непосредственных социальных структур и процессов, в которых проявляется социальная неопределенность.

Таким образом, обобщая результаты рассмотрения основных тенденций влияния социальной неопределенности на состояние общества, которые были сделаны ученым, с точки зрения социологической методологии необходимо отметить следующее. Во-первых, неопределенный импульс социальной динамики выражается в целом спектре темпоральных и векторных характеристик, с одной стороны, объясняющих механизмы функционирования элементов социальных систем, с другой — дающих возможность определения перспектив преодоления неопределенности. Во-вторых, чаще всего именно государственные, политические и общественные организации выступают в качестве основных акторов, реагирующих на социальную неопределенность, через установление различных форм институционального контроля. И, наконец, в-третьих, несмотря на негативный социальный фон, вызванный неопределенностью, исследователи считают, что изменение норм и ценностей в ряде случаев оказывают положительное влияние на социум, влияя на активность субъектов в преодолении социальной неопределенности.

Подводя итог обзору исследований социальной неопределенности в русле социологической методологии, следует сделать вывод о том, что в современной науке меняется односторонний подход к объективным социальным противоречиям как к негативным условиям и ситуациям, которые необходимо однозначно преодолевать, и согласиться с З. Бауманом, который констатирует: «Если традиционная социология, возникшая и сформировавшаяся под покровительством “твердой” современности, была озабочена человеческим повиновением, главная забота социологии, созданной по мерке текучей современности, должна состоять в содействии независимости и свободе; поэтому такая социология должна помещать в центр своего внимания индивидуальное самосознание, понимание и ответственность» [Бауман, 2008, с. 228].

Список источников

1. Ан С. А. Социальные векторы бытия нашего времени / С. А. Ан, Г. Н. Глиос, В. П. Дик // Вестник Института развития ноосферы. 2019. № 5 (7). С. 5–47.
2. Ахапкин Ю. К. Интерпретация социально-гуманистической информации в условиях неопределенности: дис. ... канд. социол. наук. М., 2008. 175 с.
3. Бабинцев В. П. Проблема социокультурных констант в нестабильной социальной реальности (региональный аспект) / В. П. Бабинцев, Г. Н. Гайдукова, Ж. А. Шаповал // Социодинамика. 2020. № 5. С. 94–104.
4. Байматов П. Н. Россия и Запад: конституционное право граждан на социальное обеспечение — индикатор социального государства // Право и политика. 2014. № 2 (170). С. 197–206.
5. Бауман З. Текучая современность / пер. с англ. С. А. Комарова; под ред. Ю. В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
6. Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с. Пер. изд.: Beck U. Risikogesellschaft. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1986.
7. Бек У. От индустриального общества к обществу риска // Thesis. 1994. № 5. С. 161–168.
8. Белая Е. А. Социальная неопределенность как фактор трансформации образования // Развитие территорий. 2017. № 2 (8). С. 24–27.
9. Васенина И. В. Методологические подходы к изучению ценностных ориентаций молодежи в обществе социальной неопределенности / И. В. Васенина, М. Е. Липатова // Проблемы развития общества в условиях неопределенности: экономические, социальные и управленческие аспекты: сб. науч. ст. по итогам Междунар. науч.-практ. конф., Волгоград, 24–25 ноября 2014 года / под ред. И. Е. Бельских, В. Н. Гуляихина, А. Ф. Московцева. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2014. С. 19–30.
10. Дунаева Е. А. Социальная неопределенность как характеристика образовательного пространства молодежи [Электронный ресурс] // Информац. гуманит. портал «Знание. Понимание. Умение». 2008. № 1 (2). URL: [http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/1\(2\)/Dunaeva/](http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/1(2)/Dunaeva/)
11. Дюркгейм Э. Д. О разделении общественного труда / пер. с фр. А. Б. Гофмана; примечания В. В. Сапова. М.: Канон, 1996. 432 с.
12. Жукоцкая А. В. Размышления о современной гуманитаристике // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2021. № 1 (41). С. 74–81. С. 89–99.
13. Зубок Ю. А. Идентификационные стратегии учащейся молодежи в условиях социальной неопределенности // Образование и общество. 2006. № 1. С. 90–94.
14. Зубок Ю. А. Неопределенность в механизме саморегуляции развития молодежи [Электронный ресурс] / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров // Интернет-конференция «Дети и молодежь». 1.03.10–4.04.10. URL: <http://www.ecsocman.edu.ru/iconf/33372699/index.html>
15. Касьянов В. В. Специфика политической социализации российской молодежи в условиях социальной неопределенности / В. В. Касьянов, Д. В. Кротов, С. И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 1. С. 42–45.
16. Кравченко С. А. «Нормальная аномия»: контуры концепции // Социологические исследования. 2014. № 8. С. 3–10.

17. Кузьминов М. М. Динамический подход в анализе локальных сообществ / М. М. Кузьминов, Я. Д. Санадзе, У. Д. Шевченко // Глобальные социальные процессы: опыт социологического исследования: сб. ст. Социологической конференции молодых ученых, Санкт-Петербург, 20 декабря 2019 года / под ред. А. В. Петрова. СПб.: Астерион, 2019. С. 128–137.

18. Матюх Е. Т. «Неопределенность» общества как причина возникновения социальных рисков современности // Вестник Ставропольского государственного университета. 2011. № 1. С. 180–186.

19. Мещерякова Н. Н. Особенности аномии в современном российском обществе: синергетический подход: автореф. дис. ... д-ра социол. наук: специальность 22.00.01 / Мещерякова Наталия Николаевна; [Московский государственный институт международных отношений]. М., 2015. 46 с.

20. Михеева В. В. Неопределенность в социальных взаимодействиях: основные формы ее проявления в современном украинском обществе // Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право. 2014. № 22 (193). Вып. 30. С. 24–31.

21. Осьмук Л. А. Социальная неопределенность и метаморфозы современного общества // Идеи и идеалы. 2010. № 4 (6). Т. 1. С. 1–24.

22. Пакина Т. А. Некоторые аспекты рудовой социализации молодежи большого города [Электронный ресурс] // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2011» / отв. ред.: А. И. Андреев, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов, М. В. Чистякова. М.: МАКС Пресс, 2011. URL: https://universiade.msu.ru/archive/Lomonosov_2011/1423/34068_3822.pdf

23. Пакина Т. А. Трудовая социализация молодежи в современных условиях занятости // Вестник нижегородского государственного университета им. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2012. № 2 (26). С. 39–46.

24. Пелин А. В. Неопределенность как ядро новой социальной парадигмы. 2012 [Электронный ресурс] // Публикации и исследования Александра Пелина: [сайт]. URL: <http://a-pelin.info/?go=pub&item=50>

25. Помазкова И. С. Профессиональное самоопределение российской молодежи в условиях социальной неопределенности: автореф. дис. ... канд. социол. наук: специальность 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы» / Помазкова Инна Сергеевна. Ростов н/Д., 2011. 21 с.

26. Самыгин П. С. Правовая социализация учащейся молодежи в условиях социальной неопределенности российского общества: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Ростов-н/Д., 2008. 53 с.

27. Хлопушин Р. Г. Социально-институциональный контроль наркотизма: автореф. дис. ... канд. социол. наук: специальность 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы» / Хлопушин Роман Геннадьевич. СПб., 2005. 20 с.

28. Цой Л. Н. Попытка реконструкции ситуации неопределенности и конфликта (по результатам работы социол. школы конфликтологов) [Электронный ресурс] // Вопросы методологии. 1999. № 1-2. URL: <https://conflictmanagement.ru/popuyitka-rekonstruktsii-situatsii-neopredelennosti-i-konflikta/?ysclid=156ua5m3tr78951191>

29. Шилкина Н. Е. Социальная адаптация студенческой молодежи в условиях социальной неопределенности и риска: особенности и тенденции (по мат-лам социологических исследований начала XXI в.): дис. ... д-ра социол. наук: специальность 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы». Барнаул, 2015. 39 с.

30. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / пер. с польск. С. М. Червонной. М.: Логос, 2005. 664 с.

31. Ястребова И. И. Социокультурные характеристики современного российского общества // Власть. 2015. № 8. С. 146–150.

References

1. An, S. A., Glios, G. N., & Dik, V. P. (2019). Sotsial`nyye vektory bytiya nashego vremeni [Social vectors of being of our time]. *Bulletin of the Institute for the Development of the Noosphere*, 5(7), 5–47. (In Russian).

2. Akhapiin, Yu. K. (2008). Interpretatsiya sotsial`no-gumanisticheskoy informatsii v usloviyakh neopredelennosti [Interpretation of socio-humanistic information under conditions of uncertainty]. *PhD Dissertation of Sociological Sciences*. Moscow. 175 p. (In Russian).

3. Babintsev, V. P., Gaidukova, G. N., & Shapoval, Zh. A. (2020). Problema sotsiokul`turnykh konstant v nestabil`noy sotsial`noy real`nosti (regional`nyy aspekt) [The problem of sociocultural constants in unstable social reality (regional aspect)]. *Sociodynamics*, 5, 94–104. (In Russian).

4. Baimatov, P. N. (2014). Rossiya i Zapad: konstitutsionnoye pravo grazhdan na sotsial`noye obespecheniye — indikator sotsial`nogo gosudarstva [Russia and the West: the constitutional right of citizens to social security — an indicator of a social state]. *Law and Politics*. 2(170), 197–206. (In Russian).

5. Bauman, Z. (2008). *Tekuchaya sovremennost`* [Fluid modernity] (translated from English by S. A. Komarov; edited by Yu. V. Asochakov). St. Petersburg: Piter. 240 p. (In Russian).

6. Beck, W. (2000). *Obshchestvo riska: na puti k drugomu modernu* [Risk society: on the way to another modernity] (translated from German by V. Sedelnik, & N. Fedorova). Moscow: Progress-Tradition. 383 p. Translate of the publication: Beck U. Risikogesellschaft. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1986. (In Russian).

7. Beck, W. (1994). Ot industrial`nogo obshchestva k obshchestvu riska [From industrial society to risk society]. *Thesis*, 5, 161–168. (In Russian).

8. Belaya, E. A. (2017). Sotsial`naya neopredelennost` kak faktor transformatsii obrazovaniya [Social uncertainty as a factor in the transformation of education]. *Development of territories*, 2(8), 24–27. (In Russian).

9. Vasenina, I. V. (2014). Metodologicheskiye podkhody k izucheniyu tsennostnykh oriyentatsiy molodozhi v obshchestve sotsial`noy neopredelennosti [Methodological approaches to the study of value orientations of youth in a society of social uncertainty]. In Belskikh, I. E., Gulyikhin, V. N., & Moskovtsev, A. F. (Eds). *Problemy` razvitiya obshchestva v usloviyakh neopredelennosti: e`konomicheskie, social`ny`e i upravlencheskie aspekty`* [Problems of society development in conditions of uncertainty: economic, social and managerial aspects]. Collection of scientific articles based on the results of the International Scientific and Practical Conference, Volgograd, November 24–25, 2014 (pp. 19–30). Volgograd: Volgograd Scientific Publishing House. (In Russian).

10. Dunaeva, E. A. (2008). Sotsial`naya neopredelennost` kak kharakteristika obrazovatel`nogo prostranstva molodezhi [Social uncertainty as a characteristic of the educational space of youth]. *Informats humanitary portal "Knowledge. Understanding. Skill"*, 1(2). (In Russian). Retrieved from [http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/1\(2\)/Dunaeva/](http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/1(2)/Dunaeva/)

11. Durkheim, E. (1996). *O razdelenii obshchestvennogo truda* [On the division of social labor] (translated from France by A. B. Hoffman; notes by V. V. Sapov). Moscow: Kanon. 432 p. (In Russian).

12. Zhukotskaya, A. V. (2021). Razmyshleniya o sovremennoy gumanitaristike [Reflections on modern humanities]. *Bulletin of the Moscow State Pedagogical University, series "Historical Sciences"*, 1(41), 74–81. (In Russian).

13. Zubok, Yu. A. (2006). Identifikatsionnyye strategii uchasheysya molodezhi v usloviyakh sotsial'noy neopredelennosti [Identification strategies of student youth in conditions of social uncertainty]. *Education and society*, 1, 90–94. (In Russian).

14. Zubok, Yu. A., & Chuprov, V. I. (2010). Neopredelennost' v mekhanizme samoregul'yatsii razvitiya molodezhi [Uncertainty in the mechanism of self-regulation of youth development]. *Internet conference «Children and youth»*. 1.03.10–4.04.10. (In Russian). Retrieved from <http://www.ecsocman.edu.ru/iconf/33372699/index.html>

15. Kasyanov, V. V., Krotov, D. V., & Samygin, S. I. (2017). Spetsifika politicheskoy sotsializatsii rossiyskoy molodozhi v usloviyakh sotsial'noy neopredelennosti [The specifics of the political socialization of Russian youth in the conditions of social uncertainty]. *Humanitarian, socio-economic and social sciences*, 1, 42–45. (In Russian).

16. Kravchenko, S. A. (2014). "Normal'naya anomiya": kontury kontseptsii ["Normal anomie": the contours of the concept]. *Sociological research*, 8, 3–10. (In Russian).

17. Kuzminov, M. M., Sanadze, Ya. D., & Shevchenko, U. D. (2019). Dinamicheskiy podkhod v analize lokal'nykh soobshchestv [Dynamic approach in the analysis of local communities]. In Petrov, A. V. (Ed.). *Global'ny'e social'ny'e processy: opyt sociologicheskogo issledovaniya* [Global social processes: the experience of sociological research]. Collection of the article of the Sociological Conference of Young Scientists, St. Petersburg, December 20, 2019 (pp. 128–137). St. Petersburg: Asterion. (In Russian).

18. Matyukh, E. T. (2011). "Neopredelennost'" obshchestva kak prichina vozniknoveniya sotsial'nykh riskov sovremennosti ["Uncertainty" of society as a reason for the emergence of social risks of our time]. *Bulletin of the Stavropol State University*, 1, 180–186. (In Russian).

19. Meshcheryakova, N. N. (2015). Osobennosti anomii v sovremennom rossiyskom obshchestve: sinergeticheskiy podkhod [Features of anomie in modern Russian society: a synergistic approach]. *Doctor Thesis of Sociological Sciences: specialty 22.00.01* [Moscow State Institute of International Relations]. Moscow. 46 p. (In Russian).

20. Mikheeva, V. V. (2014). Neopredelennost' v sotsial'nykh vzaimodeystviyakh: osnovnyye formy yeyo proyavleniya v sovremennom ukrainskom obshchestve [Uncertainty in social interactions: the main forms of its manifestation in modern Ukrainian society]. *Scientific sheets. Series Philosophy. Sociology. Right*, 22(193), 24–31. (In Russian).

21. Osmuk, L. A. (200). Sotsial'naya neopredelennost' i metamorfozy sovremennogo obshchestva [Social uncertainty and metamorphoses of modern society]. *Ideas and ideals*, 4(6), 1, 24–91. (In Russian).

22. Pakina, T. A. (2011). Nekotoryye aspekty rudovoy sotsializatsii molodezhi bol'shogo goroda [Some aspects of the ore socialization of the youth of a big city]. In Andreev, A. I., Andriyanov, A. V., Antipov, E. A., & Chistyakov, M. V. (Eds). *Materials of the International Youth Scientific Forum «LOMONOSOV-2011»*. Moscow: MAKS Press. (In Russian). Retrieved from https://universiade.msu.ru/archive/Lomonosov_2011/1423/34068_3822.pdf

23. Pakina, T. A. (2012). Trudovaya sotsializatsiya molodozhi v sovremennykh usloviyakh zanyatosti [Labor socialization of youth in modern conditions of employment]. *Bulletin of the Nizhny Novgorod State University. Lobachevsky. Series Social Sciences*, 2(26), 39–46. (In Russian).

24. Pelin, A. V. (2012). Neopredelonnost' kak yadro novoy sotsial'noy paradigmy [Uncertainty as the core of a new social paradigm]. *Publications and research by Alexander Pelin*: [website]. (In Russian). Retrieved from <http://a-pelin.info/?go=pub&item=50>
25. Pomazkova, I. S. (2011). Professional'noye samoopredeleniye rossiyskoy molodezhi v usloviyakh sotsial'noy neopredelennosti [Professional self-determination of Russian youth in conditions of social uncertainty]. *PhD Thesis of Sociological Sciences: specialty 22.00.04 «Social structure, social institutions and processes»*. Rostov-on-Don. 21 p. (In Russian).
26. Samygin, P. S. (2008). Pravovaya sotsializatsiya uchashchiysya molodezhi v usloviyakh sotsial'noy neopredelennosti rossiyskogo obshchestva [Legal socialization of student youth in the conditions of social uncertainty of the Russian society]. *Doctor Thesis of Sociological Sciences*. Rostov-on-Don. 53 p. (In Russian).
27. Khlopushin, R. G. (2005). Sotsial'no-institutsional'nyy kontrol' narkotizma [Social-institutional control of narcotism]. *PhD Thesis of Sociological Sciences: specialty 22.00.04 «Social structure, social institutions and processes»*. St. Petersburg. 20 p. (In Russian).
28. Tsoi, L. N. (1999). Popytka rekonstruktsii situatsii neopredelennosti i konflikta (po rezul'tatam raboty sotsiologicheskoy shkoly konfliktologov) [An attempt to reconstruct the situation of uncertainty and conflict (based on the results of the work of the sociological school of conflictologists)]. *Voprosy metodologii, 1-2*. (In Russian). Retrieved from <https://conflictmanagement.ru/popyitka-rekonstruktsii-situatsii-neopredelennosti-i-konflikta/?ysclid=156ua5m3 tr78951191>
29. Shilkina, N. E. (2005). Sotsial'naya adaptatsiya studencheskoy molodezhi v usloviyakh sotsial'noy neopredelennosti i riska: osobennosti i tendentsii (po materialam sotsiologicheskikh issledovaniy nachala XXI v.) [Social Adaptation of Student Youth in Conditions of Social Uncertainty and Risk: Peculiarities and Trends (Based on Materials of Sociological Research at the Beginning of the 21st Century)]. *Doctoral Dissertation of Sociological Sciences: specialty 22.00.04 «Social structure, social institutions and processes»*. Barnaul. 482 p. (In Russian).
30. Sztompk, P. (2005). *Sotsiologiya. Analiz sovremennogo obshchestva* [Sociology. Analysis of modern society] (translated from Polish by S. M. Chervonnaya). Moscow: Logos. 664 p. (In Russian).
31. Yastrebova, I. I. (2015) Sotsiokul'turnyye kharakteristiki sovremennogo rossiyskogo obshchestva [Sociocultural characteristics of modern Russian society]. *Power, 8*, 146–150. (In Russian).

Информация об авторе / Information about the author:

Васильев Владимир Викторович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, международного права и зарубежного регионоведения, декан факультета педагогики и психологии Самарского филиала Московского городского педагогического университета, Самара, Россия.

Vasiliev Vladimir Viktorovich — PhD (History), Associate Professor of the Department of History, International Law and Foreign Regional Studies, Dean of the Faculty of Pedagogy and Psychology, Samara Branch of Moscow City University, Samara, Russia.

Vasilev-429@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0643-8911>

Научно-теоретическая статья

УДК 1(091)

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.46.2.2

ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ И ДУХОВНЫЙ ВЫБОР

Жукоцкая А. В.

Московский городской педагогический университет,

Москва, Россия,

ZhukotskayaAV@mgpu.ru

Черненькая С. В.

Московский городской педагогический университет,

Москва, Россия,

Chernenkayasv@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7103-3059>

Аннотация. Авторы статьи отмечают необходимость дополнения традиционного списка глобальных вызовов. Во-первых, основные глобальные вызовы следует выделять не только в геополитической сфере, но и в социокультурной и духовной сферах. Во-вторых, единое информационно-коммуникативное пространство способствует решению глобальных проблем и в то же время генерирует новые вызовы. Современные риски (экономические, политические, технологические, экологические и духовные) усиливают так называемое состояние неопределенности современного социума. Согласно позиции авторов, к традиционной схеме глобальных вызовов следует отнести и духовные вызовы, к которым относятся вызов космополитизма, борьба за контроль над мировым коммуникативным пространством и попытки с помощью информационно-коммуникационных технологий конструировать социальную реальность, конструируемый тренд на борьбу идентичностей, создание зон контролируемой геополитической нестабильности в глобальном социально-политическом пространстве и др. Особое внимание авторы уделяют вызовам, перед которыми оказалось современное научное сообщество. Анализ глобальных вызовов современности необходим для прояснения и понимания духовной ситуации времени.

Ключевые слова: глобальные вызовы, глобальное коммуникационное пространство, духовные вызовы, духовный выбор

Для цитирования: Жукоцкая А. В., Черненькая С. В. Глобальные вызовы современности и духовный выбор // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2023. № 2 (46). С. 23–31. DOI: 10.25688/2078-9238.2023.46.2.2

Scientific and theoretical article

UDC 1(091)

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.46.2.2

GLOBAL CHALLENGES OF MODERNITY AND SPIRITUAL CHOICE

Aleksandra V. Zhukotskaya

Moscow City University,
Moscow, Russia,
ZhukotskayaAV@mgpu.ru

Svetlana V. Chernenkaya

Moscow City University,
Moscow, Russia,
Chernenkayasv@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7103-3059>

Abstract. The authors of the article note the need to supplement the traditional list of global challenges. First, the main global challenges should be highlighted not only in the geopolitical sphere, but also in the socio-cultural and spiritual spheres. Secondly, a unified information and communication space contributes to solving global problems and at the same time generates new challenges. Modern risks (economic, political, technological, environmental and spiritual) reinforce the so-called state of uncertainty of modern society. According to the position of the authors, the traditional scheme of global challenges should also include spiritual challenges, which include the challenge of cosmopolitanism, the struggle for control over the world's communicative space and attempts to construct social reality using information and communication technologies, the constructed trend for the struggle of identities, the creation of zones of controlled geopolitical instability in the global socio-political space, etc. The authors pay special attention to the challenges faced by the modern scientific community. The analysis of the global challenges of our time is necessary to clarify and understand the spiritual situation of the time.

Keywords: global challenges, global communication space, spiritual challenges, spiritual choice

For citation: Zhukotskaya, A. V., & Chernenkaya, S. V. (2023). Global challenges of modernity and spiritual choice. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 2 (46), 23–31. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2023.46.2.2>

Введение

Глобальные вызовы традиционно группируют по уже давно сложившейся классификации: экологические, экономические, геополитические, социальные и технологические. На наш взгляд, этот список нуждается в основательной корректировке.

Во-первых, основные глобальные вызовы были выделены в сфере геополитических проблем. Во-вторых, уменьшается количество экономических вопросов в глобальном коммуникационном пространстве и возрастает внимание

и интерес к вопросам социально-политического, экологического и технологического порядка. Акцент рисков с экономических проблем переносится на социально-политические, демографические, технологические, экологические и духовные проблемы.

В третьих, перемещение экономических и финансовых взаимодействий в цифровое пространство привело, с одной стороны, к возникновению единой информационно-коммуникационной системы, а с другой — к фрагментации и расслоению социально-политического пространства и к цифровому неравенству стран и регионов. Возрастает и усиливается контроль над мировым коммуникативным пространством, растет желание доминировать в идейно-символическом, мировоззренческом пространстве.

Постановка проблемы

Понятие «глобальные вызовы» и их классификация, введенные в научный оборот в XX веке, не вполне отражают реалии современной культуры. Указанные выше основания позволяют выделить новые методологические принципы исследования глобальных вызовов современности.

Методология исследования

Работа проводилась с учетом опыта отечественных и зарубежных социально-философских исследований, на основе компаративного анализа парадигм, исследующих глобальные проблемы и вызовы современности. К новым методологическим принципам исследования глобальных вызовов современности можно отнести калейдоскопичность и междисциплинарность. Особо следует отметить идею безопасности, которая становится, с точки зрения авторов, ключевой в сознании современного человека.

Результаты исследования

Процессы глобализации, направленные на экономическую и информационно-коммуникационную интеграцию, оказались в сильной зависимости от политического, социального и культурного контекста. Наряду с интеграционными активно стали проявляться и дезинтеграционные тенденции, приведшие к быстрому изменению вектора взаимоотношений и, как следствие, перераспределению власти в рамках глобального социально-политического пространства. Мы являемся свидетелями таких процессов. Активно развивается конкуренция различных стратегий и проектов мирового и регионального развития, что связано с дискурсивным контролем как глобальным вызовом.

Одностороннее развитие стран-глобализаторов постепенно ограничивается и порождает ответы прежнему вызову глобализации, поэтому в последнее время все больше говорят о завершении этого процесса, о деглобализации. Процессы глобализации и деглобализации в равной степени провоцируют такие явления, как ксенофобия, этноцентризм, расизм, религиозный экстремизм и терроризм, что, в свою очередь, увеличивает духовные риски в гуманитарной сфере.

Усиливает все риски (экономические, политические, технологические, экологические и духовные) так называемое состояние неопределенности современного социума. При таком состоянии высока вероятность возникновения негативных последствий. Рост рисков неизбежно ведет к формированию угроз (опасностей) с нежелательными последствиями практически во всех сферах общественной жизни, акцентируя и сферу кибербезопасности. Растет конфликт интерпретаций, который связан с дискурсивной оценкой событий и тенденций в международном развитии с точки зрения интересов субъектов, вовлеченных в эти события. Прежде всего, это касается субъектов международных отношений, которые способны оказывать влияние на мировое развитие (национальные государства, межгосударственные объединения, международные организации, транснациональные компании, иные транснациональные сетевые субъекты). Но интересы субъектов международных отношений далеко не всегда представляют региональные или общенациональные интересы. В результате к современным глобальным вызовам следует отнести не только конфликт интересов субъектов международных отношений, но и государства, и гражданского общества.

В целом глобальные вызовы можно разделить на явные и латентные. К первым относятся четко обозначенные проблемы, активно транслируемые по каналам политической коммуникации и через деятельность субъектов-интерпретаторов (СМИ и т. д.). Часть таких вызовов в мировой практике определяются как глобальные проблемы человечества. Латентные вызовы — это вызовы, которые не актуализируются, но оказывают безусловное влияние на ход социально-исторических, экономических и даже экологических процессов (например, консюмеризм — идеология потребительства).

На современном этапе к традиционной схеме глобальных вызовов следует отнести и духовные вызовы. Например:

– вызов космополитизма, связанный с невозможностью создания универсальной безэтнической идентичности и неготовностью сообществ принять подобную универсальную идентичность. Пример — так называемая общеевропейская идентичность, которая оказалась неспособной справиться с миграционным и иными кризисами;

– борьба за контроль над мировым коммуникативным пространством и попытки с помощью информационно-коммуникационных технологий конструировать социальную реальность. Одной из важных функций такого контроля является номинализация (присвоение имен/идентичностей) субъектам

международных отношений, с помощью которого происходит кодирование мирового развития, фактически нейролингвистическое программирование. Как примеры номинализации можно выделить сравнение и ранжирование государств по некоторым нормативным критериям, присвоение им соответствующих значений, например, с помощью индексирования (индексы *Fragile States* — нестабильных/неустойчивых государств и т. д.), использование определенных концептов для описания субъектов международных отношений: «серые зоны мировой политики», «третий мир» и т. д.;

– конструируемый тренд на борьбу идентичностей, то есть использование социокультурных различий сообществ как обоснование невозможности разрешения современных проблем в силу цивилизационных различий. Эта тенденция проявляется в росте популизма, акцентуации дихотомии «свой – чужой», где определение «чужого» основано, прежде всего, на социокультурных/национальных различиях (например, «терроризм – ислам», «глобализация – США», «демократические ценности – Европа», «мировая угроза – Россия» и т. д.);

– создание зон контролируемой геополитической нестабильности в глобальном социально-политическом пространстве (Ближний Восток) и использование концепции («бесправных граждан»), описывающей состояние гражданского общества, в котором граждане чувствуют себя лишенными гражданских прав и отдаленными от процесса принятия решений. В этом процессе активно участвуют массмедиа и социальные сети.

Обозначим ряд вызовов, перед которыми оказалось современное научное сообщество.

– Современный мир существует в материальной, духовной и виртуальной средах, взаимодействие которых требует тщательного изучения. Социальные факты и социально-сконструированные и вброшенные в информационное пространство факты сосуществуют в современной культуре. Необходимость отделять факт от его интерпретации (научной, личной, публичной и т. д.), непредвзятое изложение позиции, взгляда другого — одни из вызовов нашего времени [Черненькая, 2019, с. 92]. Большинство глобальных вызовов не воспринимаются непосредственно и выделяются только в форме знаний о них. Поэтому специалисты, изучающие их, а также медиа, распространяющие информацию о них, «приобретают ключевые социальные и политические позиции» [Бек, 2000, с. 23].

– Современное общество является взаимопроникаемым. Несмотря на уникальность культур, истории, особенности развития, народы оказались взаимозависимыми и вовлеченными в глобальную экосистему. Природа, как отмечал У. Бек, «становится продуктом интегральной деятельности, формируемой «внутренней природой» постиндустриального общества» [Бек, 2008, с. 27]. Зависимость социального и природного мира от современных технологий достаточно четко выделял М. Маклюэн, писавший, что вначале мы формируем технологии, а потом они формируют нас.

В современной социальной и гуманитарной науке преобладает исследование социальных и культурных феноменов в их статике, а не в динамике. Но такие срезы социокультурной действительности не позволяют понять природу и сущность происходящих процессов. Сегодня природа и общество, природа и технические системы уже не существуют отдельно. Возникновение гибридных форм сосуществования человека и природы, человека и техники, нелинейный характер их развития требует интегративного, междисциплинарного подхода к исследуемым предметам. Чаще всего используемый дихотомический инструментарий типа «природа – общество», «мы – они», «локальный – глобальный» и т. д. не соответствует комплексному характеру изучаемых явлений и процессов действительности.

– Современный, глобальный мир не столько интегрировался, сколько разделился на множество культурноразличных систем. Существующая прогрессистская линейная концепция исторического процесса, предложенная в эпоху Просвещения, не соответствует современным реалиям. Одни страны развиваются, другие стоят на месте, третьи распадаются. В истории философии, наряду с прогрессистской концепцией развития общества были выделены и другие, широко известные, но не востребованные концепции, несмотря на их актуальность. Так, О. Шпенглер, сравнивая общества с индивидуумами, писал, что их история подобна истории отдельного человека, который в конечном счете умирает. Цикличность в развитии цивилизаций выделял А. Тойнби и др. В. И. Вернадский еще в начале прошлого века предупреждал, что человек действует глобально, непрерывно изменяя биосферу [Вернадский, 1991]. Для гуманитарных наук это означает, что никакой линейности в современной глобальной динамике нет и следует выделять разные направления развития разных стран. Соответственно, не экстраполяция, а прогноз возможных вариантов развития выступает определяющим вектором в современных социальных исследованиях. Можно выделить калейдоскопичность как методологический принцип, позволяющий учитывать культурно обусловленные особенности восприимчивости к глобальным вызовам.

Особо следует отметить вопросы этики ученого-исследователя, которые также можно рассмотреть в контексте современных вызовов. Законодателем моды в данной области считается Р. Мертон. Но предложенный им этос ученого выражает лишь англосаксонскую точку зрения. Русские ученые В. И. Вернадский, Д. И. Менделеев, И. П. Павлов, Н. И. Пирогов, С. П. Капица, Ж. Алферов и др. не мыслили свою научную деятельность в отрыве от своей гражданской позиции. Обозревая состояние советского общества в начале 1930-х годов, В. И. Вернадский писал: «Будущее для нас темно... Нет ни пафоса, ни подъема, ни веры... Разрушается и изолируется от культуры институт науки: она все более работает по принципу “максимум усилий – минимум достижений”» [Вернадский, с. 231, 283]. Именно ученый должен выявлять и говорить о глобальных вызовах, выступая не столько критиком современного состояния общества, сколько экспертом, помогающим обществу справиться с возникшими

вызовами. Обсуждение роли ученого в обществе, в том числе типов, выделенных Мертоном и другими авторами, взаимодействия между научными обществами, научным сообществом и обществом в целом, позиционирование фигуры ученого, исследователя не только как кабинетного человека, «человека в лаборатории», но и как публичной фигуры — один из императивов деятельности современного исследователя [Черненькая, 2015, с. 50]. Некоторые обозначенные выше вызовы, перед которыми оказалось научное сообщество, лишь часть духовных вызовов современности. Но их анализ необходим для прояснения и понимания духовной ситуации времени.

Заключение

В сложившейся ситуации особую роль играет то, что принято называть духовным выбором как индивида, так и общества. Для общества такой духовный выбор может быть основан на: ценностях гуманизма, укреплении различного рода идентичностей (национальной, этнической, религиозной, профессиональной и т. д.), формировании ценностного потенциала и императивной этики социальной ответственности перед будущими поколениями и человеческой цивилизацией в целом, а также на формировании интеллектуального капитала на основе развития образования и науки и международного сотрудничества в сфере науки, культуры и просвещения. Для индивида духовный выбор в сложнейшей ситуации неопределенности и глобальных вызовов может быть детерминирован высокоразвитым когнитивным интеллектом, глубокой религиозной верой, гуманистическим мировоззрением, чувством патриотизма, высокой нравственностью и этикой ответственности.

Список источников

1. Бек У. Космополитическое мировоззрение. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008. 336 с.
2. Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с. Пер. изд.: Beck U. Risikogesellschaft. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1986.
3. Балувев Д. Г. «Серые зоны» мировой политики / Д. Г. Балувев, А. А. Новоселов; отв. ред. М. А. Троицкий // Очерки текущей политики. Вып. 3. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2010. 40 с.
4. Вернадский В. И. Научная мысль как планетарное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.
5. Иванов О. Б. Глобальные риски современного мира. Кризис глобализации // ЭТАП: Экономическая Теория, Анализ, Практика. 2018. № 1. С. 7–28.
6. Ивашов Л. Г. Глобальные вызовы XXI века — геополитический ответ России: колл. монография / Л. Г. Ивашов [и др.]; ред.: Е. М. Евдокимова, С. В. Крусман. М.: МГЛУ, 2012. 318 с.
7. Пирогов Н. И. Вопросы жизни. Дневник старого врача. Иваново: Издательский дом, 2008. 427 с.

8. Писарчик А. С. Глобальные вызовы современности в контексте борьбы за дискурсивный контроль над мировым коммуникативным пространством [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/230219/1/>

9. Черненкокая С. В. Гермeneвтические практики в современном образовательном пространстве // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2019. № 2 (30). С. 90–95.

10. Черненкокая С. В. Некоторые вопросы преподавания курса по философии науки в вузе // III Всероссийская конференция по науковедению и наукометрии: тезисы докладов. М.: МГПУ, 2015. С. 48–51.

11. Ястребова И. И. Социокультурные характеристики современного российского общества // Власть. 2015. № 8. С. 146–150.

References

1. Beck, U. (2008). *Kosmopoliticheskoe mirovozzrenie* [Cosmopolitan worldview]. Moscow: Center for Research of Post-industrial Society. 336 p. (In Russian).

2. Beck, U. (2000). *Obshchestvo riska: na puti k drugomu modernu* [Risk society: on the way to another modernity] (translated from German by V. Sedelnik, & N. Fedorova). Moscow: Progress-Tradition. 383 p. (In Russian).

3. Baluyev, D. G., Novoselov, A. A. (2010). «Serye zony» mirovoj politiki [“Gray zones” of world politics]. In Troitsky, M. A. (Executive editor). *Essays on current politics*. Release 3. Moscow: Scientific and Educational Forum on International Relations. 40 p. (In Russian).

4. Vernadsky, V. I. (1991). *Nauchnaya mysl' kak planetarnoe yavlenie* [Scientific thought as a planetary phenomenon]. Moscow: Nauka. 271 p. (In Russian).

5. Ivanov, O. B. (2018). Global'nye riski sovremennogo mira. Krizis globalizatsii [Global risks of the modern world. The crisis of globalization]. *STAGE: Economic Theory, Analysis, Practice, 1*, 7–28. (In Russian).

6. Ivashov, L. G., et al. (2012). *Global'nye vyzovy XXI veka — geopoliticheskij otvet Rossii* [Global Challenges of the XXI century]. Collective monograph (ed. by E. M. Evdokimova, S. V. Krusman). Moscow: MGLU. 318 p. (In Russian).

7. Pirogov, N. I. (2008). *Voprosy zhizni. Dnevnik starogo vracha* [Questions of life. Diary of an old doctor]. Ivanovo: Izdatel'skiy dom. 427 p. (In Russian).

8. Pisarchik, A. S. *Global'nye vyzovy sovremennosti v kontekste bor'by za diskursivnyj kontrol' nad mirovym kommunikativnym prostranstvom* [Global challenges of modernity in the context of the struggle for discursive control over the world communicative space]. Retrieved from <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/230219/1/> (In Russian).

9. Chernenkaya, S. V. (2019). Hermenevтические практики в современном образовательном пространстве [Hermeneutical practices in the modern educational space]. *MCU Journal of Philosophical Sciences, 2* (30), 90–95. (In Russian).

10. Chernenkaya, S. V. (2015). Nekotorye voprosy prepodavaniya kursa po filosofii nauki v vuze [Some questions of teaching a course on philosophy of science at a university]. *III Vserossiyskaya konferenciya po naukovedeniyu i naukometrii* [III All-Russian Conference on Science and Scientometry]. Thesis of reports (pp. 48–51). Moscow: MCU. (In Russian).

11. Yastrebova, I. I. (2015). Sociokul'turnye harakteristiki sovremennogo rossijskogo obshchestva [Sociocultural characteristics of modern Russian society]. *Vlast'*, 8, 146–150. (In Russian).

Информация об авторах / Information about the authors:

Жукоцкая Александра Васильевна — доктор философских наук, профессор, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия.

Zhukotskaya Aleksandra Vasil'evna — Doctor of Philosophy, Professor, Moscow City University, Moscow, Russia.

ZhukotskayaAV@mgpu.ru

Черненко Светлана Васильевна — кандидат философских наук, доцент общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия.

Chernenkaya Svetlana Vasil'evna — PhD (Philosophy), Associate Professor of the All-University Department of Philosophy and Social Sciences, Institute of Humanities Sciences, Moscow City University, Moscow, Russia.

Chernenkayasv@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7103-3059>

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Аналитическая статья

УДК 141.336+141.32

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.46.2.3

ПРОБЛЕМА МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ СУФИЗМА

Макаев Р. С.

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,
Makaev@mgu.ru

Кожевников С. Б.

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,
KozhevnikovSB@mgu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4847-2229>

Аннотация. Суфизм — это исламское мистическое направление, делающее упор на духовный рост и внутреннюю веру. Он поощряет стремление к знаниям за пределами традиционной религии и ценит личную свободу, внутренний мир, социальную справедливость и эгалитаризм. Суфизм также делает упор на жизнь в гармонии с другими людьми и природой, способствуя взаимопониманию и принятию между разными людьми и верованиями.

Суфизм стремится к мирному, справедливому и равноправному обществу через духовный гуманизм. Р. Насыров считает, что изучение суфизма требует выхода за рамки исламоведения и сравнения его с другими культурами [Насыров, 2009, с. 13]. Для понимания суфизма и его социально-философских доктрин необходим всесторонний анализ. Суфизм — это не просто философия, а эмпирическое учение об аскезе для познания себя. Это исследование показывает связь между суфизмом и Божественным и подтверждает идею о том, что человек постигает Божественное. Суфизм помогает понять имманентную и трансцендентную природу человека, при этом суфийская личность

находится в центре этого понимания. Происхождение суфизма невозможно реконструировать только с философской точки зрения, так как оно основано на внутренних элементах универсальной религии пророка Мухаммада.

По словам суфийских экспертов Инаята Хана и Идриса Шаха, суфизм постоянно существовал и использовал разные названия на протяжении всей истории. Он представляет собой подсознательный аспект человеческой природы и удовлетворяет коллективную бессознательную потребность.

Ключевые слова: суфизм, история ислама, исламский мистицизм, религия, мусульманская философия

Для цитирования: Макаев Р. С., Кожевников С. Б. Проблема методологии исследования истории суфизма // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2023. № 2 (46). С. 32–46. DOI: 10.25688/2078-9238.2023.46.2.3

Analytical article

UDC 141.336+141.32

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.46.2.3

THE PROBLEM OF RESEARCH METHODOLOGY OF THE HISTORY OF SUFISM

Rustam S. Makaev

Moscow City University,
Moscow, Russia,
Makaev@mgpu.ru

Sergey B. Kozhevnikov

Moscow City University,
Moscow, Russia,
KozhevnikovSB@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4847-2229>

Abstract. Sufism is an Islamic mystical trend that emphasizes spiritual growth and inner faith. He encourages the pursuit of knowledge beyond traditional religion and values personal freedom, inner peace, social justice and egalitarianism. Sufism also emphasizes living in harmony with other people and nature, promoting mutual understanding and acceptance between different people and beliefs.

Sufism strives for a peaceful, just and equal society through spiritual humanism. R. Nasyrov believes that the study of Sufism requires going beyond Islamic studies and comparing it with other cultures [Nasyrov, 2009, p. 13]. A comprehensive analysis is necessary to understand Sufism and its socio-philosophical doctrines. Sufism is not just a philosophy, but an empirical teaching about asceticism for self — knowledge. This study shows the connection between Sufism and the divine and confirms the idea that man comprehends the divine. Sufism helps to understand the immanent and transcendent nature of man, while the Sufi personality is at the center of this understanding. The origin of Sufism cannot be reconstructed only from a philosophical point of view, since it is based on the internal elements of the universal religion of the Prophet Muhammad.

According to Sufi experts Inayat Khan and Idris Shah, Sufism has always existed and used different names throughout history. It represents a subconscious aspect of human nature and satisfies a collective unconscious need.

Keywords: Sufism, history of Islam, islamic mysticism, religion, Muslim philosophy

For citation: Makaev, R. S., & Kozhevnikov, S. B. (2023). The problem of research methodology of the history of Sufism. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 2 (46), 32–46. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2023.46.2.3>

Постановка проблемы

Как ученые, изучающие суфизм, так и сами представители исламского мистицизма утверждают, что экспериментирование с исламской религией различными способами при поисках путей к спасению, воспринимаемых как суфизм, не обязательно означает, что мистицизм враждебен тому, что принято считать ортодоксальным исламом, который развил свой догматизм. Трудно точно определить, когда впервые возник мистицизм, поскольку он, вероятно, существовал в различных формах в разных культурах и периодах времени. Однако мистические традиции присутствовали во многих древних культурах, таких как Древний Египет, Греция и Индия, что позволяет предположить, что мистицизм был частью человеческого опыта на протяжении тысячелетий. С другой стороны, интересно интерпретирует проблему мистицизма философ Фридрих Шеллинг. Согласно Шеллингу, истинный мистицизм включает в себя глубокое и непосредственное переживание Божественного, которое невозможно полностью уловить или выразить с помощью языка или понятий. Он также утверждал, что мистицизм — это не бегство от реальности, а, скорее, способ более глубокого и осмысленного взаимодействия с миром.

Некоторые суфии считали, что суфизм получил свое развитие благодаря эволюции основных юридических школ ислама, что указывает на их способность интерпретировать как буквальный мир Корана, так и его содержательную сторону [Algar, 1991]. Данное осмысление позволило им обновить духовно-практическую сторону ислама и освоить метафизический опыт познания.

Как и другие мусульмане, суфии пытаются подражать пророку Мухаммеду во всем, в буквальном смысле строго следовать его пути, исполняя все заветы суннизма, проповедуя строгий аскетизм. В дополнение к этому можно отметить, что более поздние суфии отличались от более раннего своего упора на религиозные практики, включая использование музыки, танцев и поэзии, для достижения более близких отношений с Богом. Они также уделяли больше внимания важности личных отношений с духовным наставником, известным как шейх, как средства достижения духовного роста. Кроме того, более поздние суфии с большей вероятностью были вовлечены в социальные и политические движения, используя свои духовные убеждения в качестве платформы для защиты социальной справедливости и реформ. Просто говорить о разногласиях между шариатом и тарикатом в исламе недостаточно. Это потому, что мистицизм не противоречит ортодоксальному закону и практике.

Вместо этого он основан на законе и дополняет его, подчеркивая эзотерические и мирские аспекты, которые также считаются священными, следуя закону.

Мистицизм выходит за рамки рациональных и чувственных законов, чтобы наблюдать за душой и ее переживаниями, усиливая эти переживания посредством духовного познания. Суфии рассматривают закон и путь как необходимые составляющие, а не как противоположности. Исламский мистицизм сложен и плюралистичен, варьируется от человека к человеку и от группы к группе. Например, локальные формы суфизма разнообразны и они способны меняться из-за региональных различий и попадать под влияние других, более крупных суфийских школ [Эрнст, 2002].

Учитывая многочисленные различия и разногласия в суфизме, кажется сложным делать обобщения относительно его концепций и прогресса. Тем не менее последующие мистики пытались систематизировать разрозненные идеи своих предшественников, чтобы придать смысл своим собственным теоретическим парадигмам, основанным на прошлом религиозно-историческом опыте суфийского познания, как это, казалось, произошло, например, в XII и XIII веках при Ибн Араби (ум. 1240) и позже, в XVII и XVIII веках, когда индийский шах Вали Аллах (ум. 1762) синтезировал различные точки зрения суфизма [Algar, 1991].

Со временем их классификации были приняты востоковедами в XIX веке, а также функционально переоценивались время от времени. В этом контексте развились определенные клише и стереотипы, такие как идея единого и целостного исламского мистицизма, или тасаввуфа, как альтернативного толерантного и духовного аспекта ислама.

Точно так же существуют разные и расходящиеся мнения об этимологии термина «суфий». Мистикам потребовалось три поколения, чтобы определить несколько гипотез происхождения слова «суфий».

Одни утверждают, что «суфий» — это человек-аскет, носящий шерстяную одежду; другие определяют под этим термином людей из числа приближенных к пророку Мухаммаду, которые пребывали вместе с ним в первом ряду во время коллективных молитв; другие же заявляют, что название происходит от арабского слова «сафа» (чистота). Эти объяснения истинного смысла суфизма далеки от удовлетворения требованиям этимологии, хотя каждый из них подкрепляется многими тонкими аргументами. Истинный суфий оставляет позади свое эго и материальные привязанности и стремится достичь состояния духовной чистоты и непривязанности к миру. Он также оставляет после себя наследие безусловной любви, доброты и служения человечеству.

«“Суфий” — это имя, которое дается и ранее давалось совершенным святым и духовным адептам. Тот, кто очищен любовью, чист, а тот, кто поглощен Возлюбленным Аллахом и оставил все остальное, — Суфий. Это название не имеет производного, отвечающего этимологическим требованиям, в отличие от суфизма, оно слишком возвышено, чтобы иметь какой-либо род, из которого оно могло бы быть получено» [Худжвири, 2021].

Методологические проблемы исследования истории суфизма

За несколько десятилетий до того, как Али ибн Усман аль-Худжвири (р. между 1072 и 1077) дал определение суфизма в своем старейшем трактате о суфизме, исламский мистицизм уже превратился в систему, бросающую вызов мусульманскому истеблишменту в различных его формах.

Эта классификация истории была создана с использованием академической литературы, но до сих пор остается спорным вопросом и не отражает согласия ученых в отношении суфизма.

Согласно этой предложенной схеме первая фаза охватывает период примерно с 700 по 950 год, когда индивидуальный мистицизм постепенно развивался вслед за установлением и расширением ранних мусульманских династий и империй, таких как Аббасиды и Фатимиды. Можно сказать, что эта первая фаза началась с Хасана аль-Басри (ум. 728) и его окружения, которые ввели, среди прочего, понятие аскетического благочестия (зухд) как конститутивный элемент раннего исламского мистицизма в городе Басра, который позже превратился в культурный центр Ирака [Ali-Shah, 1992].

Затем последовали аскеты, такие как женщина-мистик Рабия (ум. 801), которая позже прославилась своей идеей искренней любви к Богу. Из Басры ранние мистические идеи мигрировали в другие области, такие как Сирия и новая столица Багдад, где они получили дальнейшее развитие или столкнулись с подобными идеями в местном контексте. Под влиянием иракской ветви суфизма оказался соседний Иран, и вскоре Хорасан стал крупным центром мистицизма. Здесь Шакик аль-Балхи (ум. 810) доказывал мистическое состояние преданности воле Бога и, как говорят, описывал различные стадии поклонения.

Багдадский суфий и основатель школы исламской философии аль-Харис аль-Мухасиб (ум. 837) добавил психологическую интроспекцию, а египетский Дху аль-Нун (ум. 859) ввел мистическое интуитивное знание (ма'рифат) в терминологическую вселенную исламского мистицизма. Его иранский коллега Сахль аль-Тустари (ум. 896), переселившийся в Басру, развивал идею Божественного света, из которого происходит светлый дух пророка Мухаммада, и поощрял постоянное поминание Бога (зикр), идеи, которые были присвоены снова и снова в мистической истории. Знаменитый персидский мыслитель Аль-Хаким аль-Тирмидхи (ум. 910) выдвинул спорную идею печати святости, или друзей Бога (хатм Аль-аулия), тем самым наделяя привилегией высшего духовного преемника, который завершает цикл святости.

Эта творческая формирующая фаза времени была известна двумя другими великими суфиями, Абуязидом аль-Бистами (ум. 875) из Хорасана, которые распространяли среди остальных концепцию исчезновения атрибутов плотской души (фана), и Багдадским аль-Джунаидом (ум. 910). В то время как первый означал духовное опьянение (сукр) и самость, то последний склонялся к постулированию трезвой (сахв) версии единства Бога (таухид).

Оба они считались образцами для последующих поколений суфиев. Они дали основные идеи для развития этой первой фазы, которая достигла своего апогея в знаменитых словах Мансура аль-Халладжа «Ана аль-хакк» («Я есть истина»), в словах, которые стоили ему жизни. Драматическая казнь Мансура аль-Халладжа в 922 году была отражением борьбы, которая постепенно возникла между представителями шариата и тасаввуфа, юристами (фукаха) и религиозными учеными (улемы), с одной стороны, и мистиками и гностиками (суфии и урафа) — с другой [Ali-Shah, 1994].

Различные мистические состояния и духовные стоянки (макамат) должны были отмечать путь (тарикат), начиная с покаяния, то есть обращения к новому образу жизни, и через различные другие состояния, достигая гнозиса (ма'рифа) и в конечном счете приводя к растворению личности в Боге (фана). Оба состояния и стоянки могут рассматриваться как проводники для обретения истины (хакика), рассматриваемые как один из трех уровней космической эволюции — два других являются экзотерическими (шариат) и эзотерическими (тарикат) соответственно.

Несмотря на эту изощренность мистической сущности, не было никакого институционально обязательного порядка и правил для суфиев, лишь только отдельные обитатели мистиков и группы вокруг суфийских мастеров шейхов устанавливали свои локальные традиции и нормы поведенческого взаимодействия. Хотя моральный авторитет духовного учителя уже был принят, шейх, друг Бога, еще не был наделен тоталитарной властью — это должно было измениться только в третьей фазе развития суфизма.

Первоначально тасаввуф как аскетически-мистическое направление в исламе был интеллектуально и социально представлен в основном ограниченным количеством адептов с индивидуалистическими тенденциями без сложной организационной и теоретической надстройки, которая возникла лишь постепенно. Внешне тасаввуф проявлялся спокойным и регрессивным, но внутренне он был сильным и активным.

Вторая фаза (примерно 950–1100), происходившая на фоне мусульманских восстаний и распада суннитской империи Аббасидов на многие территории, в конечном счете привела к растущему влиянию персидско-шиитской политической мысли. Это привело к появлению суфизма, фактически включавшего в себя многие элементы шиизма.

Таким образом, эсхатологические идеи все более оказывали влияние на мистическую сущность, особенно со времен шиитского учения об исчезновении последнего имама в Самарре в 878 году.

С другой стороны, шел целенаправленный процесс стандартизации и систематизации мистических идей, которые можно было почерпнуть из трудов суфийских апологетов, где большинство из них были персидского происхождения [Ali-Shah, 1995].

Однако вслед за попытками изгнать мистические и шиитские влияния из исламских глубин суннитскими сельджуками в XI веке мистическая деятельность

все чаще проникала в сельские районы, а также в отдаленные регионы, такие как Южная Азия. В то же время стандартизация мистических идей проложила путь к интеграции экзотерики и эзотерики.

Кульминационный момент он нашел во всеобъемлющем творчестве юриста, философа и мистика Абу Хамида аль-Газали (ум. 1111): в его автобиографии под названием «Освобождение от заблуждения» и главном философском труде «Возрождение религиозных наук». После долгого, болезненного путешествия в самоанализе он проповедовал послушание шариату как значимому способу структурирования своего жизненного мира, так и Божественному служению мистиков как способу спасительного познания духовной истины. Решивший назвать себя реформатором-муджаддидом, он сумел успешно и творчески синтезировать концепции исламского мистицизма, потому что мог опираться на идеи своих интеллектуальных и духовных предшественников, создавших шедевры ранней суфийской этической мысли и целый жанр руководств по практике и духовной вежливости (адаб).

Очевидно, стандартизация была непременным условием интеграции шариата и тасаввуфа. Эта интеграция, однако, наиболее ярко проявилась на следующем, третьем этапе, который послужил формированием и распространением института мистических групп, а затем орденов (суфийских путей-тарикатов) в форме общественных массовых организаций (1100–1300), наиболее заметных на периферии мусульманских империй.

Сторонники мистических орденов и конгрегаций использовали святыни и гробницы (Дарга, Текке, Завия, Рибат, Зиярат, Мазар), которые развивались вокруг могил и саркофагов мистиков и их последователей как центры распространения суфизма. Склонность орденов как к народному благочестию, так и к мистическим идеям была в некотором роде ответственна за творческое взаимодействие между чужеродными коренными и мусульманскими экзогенными идеями и институтами.

Благодаря своим ритуалам суфийские святыни смогли сделать ислам доступным для необразованных масс. Суфизм предлагал им яркие и ясные проявления Божественного порядка, а затем интегрировал их в свою ритуализованную драму, как участников, так и покровителей. Он был и остается, это мистика, и драма, которая предоставляла убежище, кров и социальную сплоченность для самых разных людей, которым нужен альтернативный источник комфорта в аффилированности — в организованной общинной жизни, например Ханака и Рибат (суфийские обители).

Посещение религиозных святынь, связанных с орденами и деятельностью их лидеров, представляло собой важное общественное мероприятие. Эти визиты имели духовный смысл, свидетельствующий о переходе социальной группы на более высокий уровень или преодолении социальных барьеров.

В третьей фазе положение шейха (персидский: пир) было изысканным и постепенно наделялось всеведением. Цепочка традиционалистов, или священное

генеалогическое звенопотомков пророка Мухаммада и его духовные наследники (силсила), стала устоявшимся способом привязать шейха к одному из первых четырех халифов.

Божественные изречения носили скорее дидактический характер и касались прежде всего духовной жизни верующего и его отношений с Богом. Как таковые они были избраны суфиями в качестве источника вдохновения и могли стать проверенным способом подтвердить силу шейха и повысить его моральный авторитет. Точно так же мистическое знание и поминание Бога (зикр) как метод вызывания мистических состояний было разработано такими мистиками, как Наджм ад-Дин Кубра из Хивы (1145–1220) и его последователями в суфийском тарикате Кубравийа в Средней Азии [Atay, 1994].

Эти и другие маркеры идентичности и ритуалы были наиболее важны для новых, растущих общин, которые постепенно развивались в первичные родительские ордена вдоль ханак и обителей или могил могущественного шейха, или пира, мастера мистического пути (тариката).

Их заместители и преемники (халифы), а также их последователи и ученики (мюриды) гарантировали духовную преемственность, что позволяло представлять орден как непрерывную цепь преемственности Пророка.

Ордена, названные в основном в честь своих основателей (таких как Кадирийя, Рифайя, Ясавийя, Накшбандийя), а также коннотативные топонимы (Кубравийя, Сухравардийя, Чиштиийя, Тиджанийя и т. д.) часто были образованы конкретными социальными группами. Ордена распространились в разных регионах и разделили свое влияние на духовные территории, или святыне царства (валайя, или вилайя).

Таким образом, именно суфийский орден обозначил высший политический и социальный смысл суфийского движения. Именно в орденах мистический индивидуализм установил общность и солидарность [Baker, Henry, 1999].

Эта третья фаза также стала свидетелем крушения Багдада, царства великого суфия Абдула аль-Кадир аль-Джилани (ум. 1166), который примирил традиционалистский ханбалитский мазхаб (одна из четырех исламских правовых школ) с экстатическим мистическим индивидуализмом. Кроме того, на фоне монгольского нашествия мистические идеи систематизировались и эстетизировались такими мастерами, как известный испанский теоретик-мистик Ибн Араби (ум. 1240).

Другим выдающимся суфием этого времени является Джалал ад-дин Руми (ум. 1273), который особенно прославился своими дидактическими стихами и оказал огромное влияние на мировую философию. Его труды до сих пор читаются в различных кругах и пользуются большой популярностью.

Четвертая фаза ознаменовалась дальнейшим развитием иерархических концепций и разнообразием мистических практик. Она также выявила новые аспекты и проблемы для организованной общинной жизни, которые, по-видимому, должны были стать важными в будущем. Перед лицом этих изменений правила

и дисциплина должны были быть перестроены и реформированы, а членство адептов переформировано.

Постепенно ордена стали настолько могущественными, что стали определяющими элементами для создания целых империй, таких как Османская и Сефевидская империи, так что правящие классы нуждались в них для своей экспансии. Например, империя Великих Моголов использовала суфийские ордена для своей политики культурной интеграции. В течение XVII века мусульманские империи централизовали свою политику, объединяя и бюрократизируя суфийские ордена, которые затем духовно и материально контролировались правящими семьями и династиями.

В трудах таких разносторонних ученых, как Мулла Садра (ум. 1636), значение рациональности требовало критической оценки суфийских учений и философии, в то время как в империи Сефевидов суфизм в своей институциональной форме был лишен публичного и социального выражения.

По мере того как три великие мусульманские империи становились свидетелями своей политической децентрализации в XVIII веке, мощная волна суфийского переосмысления, по-видимому, возникла в различных частях мусульманских районов, в то время как в Аравии движение, известное как Вахабия, было враждебно суфизму.

Эта эпоха политических, социальных и культурных реформ знаменует собой пятый этап, охватывающий период примерно с 1700 по 1900 год. Конечно, развивая эту хронологию событий и идей, исследователи сталкиваются с серьезными проблемами, потому что на территории, простиравшейся от Юго-Восточной Азии до Северной Африки, одновременно существовало множество различных религиозных тенденций. Не все были подвержены точно таким же интеллектуальным и духовным изменениям. Но некоторые ученые назвали это переосмысление неосуфизмом, который позже был отвергнут; другие придумали термин «путь Мухаммада» (тарикат Мухаммадийя). Но неосуфизм — это было некое обновление суфизма, которое стремилось возродить и переосмыслить учения и практики суфизма, мистической ветви ислама. Он часто включает элементы других духовных традиций и подчеркивает личный опыт и непосредственное осознание Бога. Однако его подлинность и связь с традиционным суфизмом обсуждаются в исламском научном сообществе. С другой стороны, не стоит исключать вопрос о возникновении внутри классических тарикатов ислама немалого количества дочерних братств и ответвлений, как это, например, произошло в Сенегале с тарикатом Мюридия на который оказал огромное влияние материнский тарикат Кадарийя. Немало таких примеров ответвлений можно встретить практически по всему свету, во всех культурах и на всех континентах нашей планеты. Это подтверждает гипотезу о том, что суфизм продолжает развиваться и удачно встраиваться в любую социокультурную реальность.

Однако похоже, что суфийское движение уделяло больше внимания этике, допуская более прямое посвящение, что бросает вызов концепции силсилы (связи) как традиционной духовной преемственности. В то время как прямой

доступ к Пророку был возможен с помощью различных методов, таких как зикр и таслия (формула благословения), членство в нескольких суфийских орденах с конкурирующей лояльностью стало еще более распространенным в XIV веке.

Еще одно развитие институционализации исламского мистицизма началось около 1900 года. Данная шестая фаза была в основном основана на антиколониальных, национальных и националистических движениях, в которых мистические ордена обеспечивали основные каналы для мусульманских культурных артикуляций и мобилизации.

Однако и в этот период активизировались ярые противники исламского мистицизма в лице салафитов, нацеленных на уничтожение суфизма, поскольку победа над эзотеризмом должна была сделать их единственными представителями ислама, независимо от спорных мнений внутри их течений. Поэтому многие мусульманские активисты и интеллектуалы даже сейчас клеймят мистические идеи и народные религиозные практики как неисламские, полагая, что они были внедрены в ислам шарлатанами и духовными преступниками, которым тогда не критически следовали невежественные массы.

После Второй мировой войны и в свете создания новых национальных государств суфийские ордена были сознательно вытеснены из идеологического и политического центра, в том числе путем присвоения их экономической базы через национализацию религиозных дарований. Но наряду с этим упадком, главным образом инициированным государственными агентами и представителями политического ислама, существует также преимущество организованного суфизма, как, например, во многих районах Африки.

Суфизм также был свидетелем аполитичного возрождения в таких различных областях, как Египет или ныне несуществующий Советский Союз. В последнее время, с миграцией и быстрыми социальными изменениями, суфизм и его институты вновь предвидели самые захватывающие и сложные системы солидарности и общности, когда они делают сознательные попытки реконструировать или заново изобретать суфийскую традицию, основанную на ее долгой и разнообразной эволюции с различными идеями и методами, организациями и институтами. Кроме того, эта седьмая фаза отмечена отдельными мистиками, использующими эзотерические идеи, разработанные для новых социальных формаций, особенно в мусульманской постколониальной общине.

Проблема философской методологии в исследовании суфизма

Мы считаем герменевтические концепции Вильгельма Дильтея надежной методологической основой для изучения суфизма. Суфизм связан с духовной сферой и не может быть объяснен чисто научными методами. Дильтей признавал важность включения эмоций и оценочных суждений в понимание духовных

традиций, таких как суфизм. Он разделил науки на естественные и духовные, причем последние требуют другого подхода, основанного на сочувствии, опыте и чувствах для понимания человеческой психики. Рациональные объяснения ненадежны в улавливании сути существования, и существует единство жизни, которое нельзя понять с помощью одной лишь логики. «Поэтому, — писал В. Дильтей, — пока сама жизнь иррациональна, иррациональность есть во всяком понимании, а понимание не может быть выражено формулой логических операций [Дильтей, 1988, с. 135–152]. То, как мы понимаем иррациональные стороны жизни, основано на интуиции и личной интерпретации, на которую влияет наше мировоззрение и методология. Герменевтика сочетает в себе научные и художественные элементы и считается методом творческого гения Дильтея. Таким образом, его можно применить к изучению суфизма, имеющего богатое наследие, включающее как негативное, так и позитивное отношение к обществу и его лидерам.

Все это еще раз доказывает, что рассматривать суфизм как социально детерминированное явление нецелесообразно и следует исследовать альтернативные концепции, такие как у Дильтея.

Изучение суфизма, хотя и далеко не является жесткой логической операцией, может быть обогащено и оптимизировано, материалистично, путем умелого сочетания различных сторон его многочисленных методологических структур, дающих нам метод изучения психических явлений. Это отличается от примитивной концептуальной конструкции. Например, методология исторического номинализма, направленная на последовательную демистификацию религиозных явлений. Напротив, Мирча Элиаде предложил «творческую герменевтику», целью которой была «внутренняя мистификация», то есть открытие священного в профанном. Один из отечественных исследователей В. А. Чаликова так определяет свой творческий герменевтический метод: «Герменевтика не раскрывает тайны, а углубляет ее, провоцирует ее, играет с ней, активизируя тем самым все ее маскирующие силы» [Чаликова, 1987, с. 261–262].

При этом сакральное и профанное переплетаются в мифологическом сознании, так что ни один пласт не является априорно сакральным.

Суфизм, как и эзотеризм, окруженный мистикой, имеет свой язык хранения и передачи скрытого смысла и требует аналогичного методологического построения. Герменевтический метод Элиаде подходит для анализа суфийского творчества и его роли в адаптации к познанию бытия. Он считал, что история имеет более глубокий смысл, и находил закономерности и архетипы в исторических данных. Этот подход полезен для изучения суфизма, поскольку он внеисторичен, несмотря на исторический и культурный контекст.

Суфизм нельзя рассматривать как простую или сложную философию, а скорее как практическое учение, требующее тщательного изучения реального суфийского опыта. Чтобы понять этот опыт, необходимо обратиться к феноменологии Макса Шелера, которая объясняет религиозные явления в трех частях. Первая часть посвящена пониманию природы Бога, которого суфии достигли

благодаря опыту растворения себя в сущности Бога. Тем самым они стремились привить людям самое базовое интеллектуальное понимание природы Бога. «Что бы вы ни представляли, Аллах — противоположность» (Зуннун аль-Мисри), «Аллах — это молчание, и его легче всего достичь молчанием» (Багаудин Накшбандия) и т. д.

«В нем нет разделения на “я”, “ты”, “мы”. Я и мы, ты и он — это все едино, ибо в единстве нет никакого различия» [Шабустари, 2017, с. 170].

Эти определения могут, по крайней мере, обратить наше внимание на то, что Бог трансцендентен и не подвержен физическим, пространственным или временным характеристикам.

Второе — это учение о форме откровения, в которой Бог открывает Себя человеку. Шелер считает, что Бог проявляется на разных уровнях бытия. Философы считают, что личность есть высший уровень Божественного проявления. Пророки являются посредниками Божьего откровения в словах, а святые напоминают людям о Боге своим присутствием. Пророки считаются более великими, чем суфии, потому что они передают слово Бога, а суфии передают внутреннее знание, полученное при приближении к Богу. Кроме того, суфии получают знания о Боге, подключаясь к неисчерпаемому источнику пророчеств.

Третье — учение о религиозном действии, которое заключается в подготовке себя к восприятию содержания откровения и постижению его верой. Шелер считал, что человек может понять и сосуществовать с Богом, овладев Божественным началом. Это считается самым суфийским аспектом его творчества, так как суфизм стремится к познанию и близости к Богу, а другие учения рассматривает как вспомогательные функции [Красников, 2007].

Заключение

Невозможно устранить все субъективные, подлинные и ценностные мнения и достичь полностью объективного и беспристрастного знания, независимого от мировоззрения. Таким образом, основная цель исследователей суфизма — обосновать достоверность своих методологий.

Проясняя онтологические и эпистемологические основы суфизма, Насыров стремился объяснить истоки и предположения религиозных практик, характерных для суфизма. Следовательно, ранние суфии верили, что Бог находится за пределами рационального познания и что для преодоления этого предела необходим духовный опыт, который способствует единению с Богом, а не является результатом чисто интеллектуальных усилий. Суфии приняли новую точку зрения, которая признавала как имманентность, так и трансцендентность Бога в мире. Это заставило их рассматривать людей как точку пересечения между вечным и бесконечным Абсолютом и конечным и множественным существованием. Чтобы решить эту проблему, они сделали определенные

онтологические предположения. Тот факт, что царство Бога и царство вещей находятся не в строгих иерархических отношениях родства, а в иерархическом отношении, говорит о том, что царство вещей не истинно и имеет проявление существ, непостижимых до конца. Однако этот метод имеет существенный недостаток. Заимствуя опыт Смирнова, Насыров, несомненно, применил метод парадигмального анализа к исследованию философских этапов суфизма, выявив гносеологические и онтологические основания доктрин суфизма, восходящие к исламской культуре.

Однако, на наш взгляд, интеллектуальное применение не могло предшествовать реальному духовному опыту и стать практической доктриной. Философское обоснование доктрины понадобилось слишком поздно, на ранних этапах развития ислама. И, самое главное, согласно исламской доктрине первое поколение мусульман, видевшее пророка Мухаммада, обладало высшей духовностью, которой не смогли достичь последующие поколения. Суфизм как ветвь пророческого знания переживался ими сильнее, чем классический мистицизм. Из-за того, что суфизм был неотъемлемым аспектом внутреннего мира ранних мусульман, но стал незаметным для более поздних поколений, обновление его идеологии стало необходимым и впоследствии оно получило свое развитие, позднее была разработана доктринальная основа для его поддержания.

В основе этой доктрины суфизма лежит вера в единство Бога, важность духовной реализации и внутреннего очищения, стремление к Божественной любви и знанию, а также использование различных духовных практик, таких как медитация и молитва, для достижения этих целей. Суфизм также подчеркивает важность духовного наставника или учителя (муршид) и концепции уничтожения себя (фана) для достижения состояния полного единения с Богом (макам ат-таухид).

Список источников

1. Дильтей В. наброски к критике исторического разума // Вопросы философии. 1988. № 4. С. 135–152.
2. Ермоленко Г. А., Кожевников С. Б. Философские метафоры в текстах культуры // Вестник Пермского университета: Философия. Психология. Социология. 2013. Вып. 3 (15). С. 81–88.
3. История и философия науки / под ред. А. В. Жукоцкой, С. В. Черненькой. М.: Книгодел; МГПУ, 2020. 140 с.
4. Красников А. Н. Методологические проблемы религиоведения. М.: Академический Проект, 2007. 239 с.
5. Насыров И. Р. Основания исламского мистицизма (генезис и эволюция). М.: Языки славянских культур, 2009. С. 13.
6. Худжвири (Али ибн Усман аль-Худжвири). Раскрытие скрытого за завесой для сведущих в тайнах сердец. Litres, 2021.
7. Чаликова В. А. Послесловие // Элиаде М. Космос и история. М.: Прогресс, 1987. С. 261–262.

8. Шабустари М. Цветник тайны (персидский текст поэмы, перевод, комментарий) / А. А. Лукашев; отв. ред. Н. Ю. Чалисова. 2-е изд. М.: Садра, 2021. 360 с. (Философская мысль исламского мира: Переводы. Т. 4).
9. Эрнст К. В. Суфизм / пер. с англ. А. Гарькавого. М.: Фаир-Пресс, 2002. 310 с.
10. Algar H. Political Aspects of Naqshbandi History. *Chemine-ments*, 1991. P. 123–152.
11. Ali-Shah O. *Sufism as Therapy*. Reno: Tractus, 1995. 256 p.
12. Ali-Shah O. *The Rules or Secrets of the Naqshbandi Order*. Reno: Tractus, 1992. 350 p.
13. Ali-Shah O. *The Sufi Tradition in the West*. New York: Alif, 1994. 235 p.
14. Atay T. *Naqshbandi Sufis in a Western Setting*. Ph.D. thesis. University of London, 1994. 469 p.
15. Baker R., Henry G. *Merton and Sufism: The Untold Story. A Complete Compendium*. Louisville, KY: Fons Vitae, 1999. 343 p.

References

1. Dil'tej, V. (1988). Nabroski k kritike istoricheskogo razuma [Sketches for the Critique of Historical Reason]. *Questions of philosophy*, 4, 135–152. (In Russian).
2. Ermolenko, G. A., & Kozhevnikov, S. B. (2013). Filosofskie metafory` v tekstax kul'tury` [Philosophical metaphors in cultural texts]. *Bulletin of Perm University: Philosophy. Psychology. Sociology*, 3(15), 81–88. (In Russian).
3. Zhukotskaya, A. V., & Chernenkaya, S. V. (Eds) (2020). *Istoriya i filosofiya nauki [History and philosophy of science]*. Moscow: Knigodel; Moscow City University. 140 p. (In Russian).
4. Krasnikov, A. N. (2007). *Metodologicheskie problemy` religiovedeniya [Methodological problems of religious studies]*. Moscow: Academic project. 239 p. (In Russian).
5. Nasy`rov, I. R. (2009). *Osnovaniya islamskogo misticizma (genesis i e`voluciya) [The Foundations of Islamic Mysticism (genesis and evolution)]*. Moscow: Languages of Slavic cultures. 13 p. (In Russian).
6. Hujwiri (Ali ibn Usman al-Hujwiri). (2021). *Raskry`tie skry`togo za zavesoj dlya sve-dushhix v tajnax serdec [Revealing the hidden behind the veil for those versed in secrets hearts]*. Litres. (In Russian).
7. Chalikova, V. A. (1987). Posleslovie [Afterword]. In: Eliade, M. *Kosmos i istoriya [Cosmos and history]* (pp. 261–262). Moscow: Progress. (In Russian).
8. Shabustari, M. (2021). *Flower Garden of Mystery (Persian text of the poem, translation, commentary)* / А. А. Лукашев; ed. by N. Y. Chalisova. 2nd ed. Moscow: Sandra. 360 p. (Philosophical Thought of the Islamic World: Translations, vol. 4).
9. E`rnst, K. V. (2002). *Sufizm [Sufism]*. Moscow: Fair-Press. 310 p. (In Russian).
10. Algar, H. (1991). *Political Aspects of Naqshbandi History. Chemine-ments*. Pp. 123–152.
11. Ali-Shah, O. (1995). *Sufism as Therapy*. Reno: Tractus. 256 p.
12. Ali-Shah, O. (1992). *The Rules or Secrets of the Naqshbandi Order*. Reno: Tractus. 350 p.
13. Ali-Shah, O. (1994). *The Sufi Tradition in the West*. New York: Alif. 235 p.
14. Atay, T. (1994). *Naqshbandi Sufis in a Western Setting*. London: University of London. 469 p.
15. Baker, R., & Henry, G. (1999). *Merton and Sufism: The Untold Story. A Complete Compendium*. Louisville, KY: Fons Vitae. 343 p.

Информация об авторах / Information about the authors:

Макаев Рустам Сайцелимович — преподаватель кафедры организационного проектирования систем управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия.

Макаев Rustam Saicelimovich — Lecturer of the Department of Organizational Design of Management Systems, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

mc_rustam@mail.ru

Кожевников Сергей Борисович — доктор философских наук, профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия.

Kozhevnikov Sergey Borisovich — Doctor of Philosophy, Professor of the All-University Department of Philosophy and Social Sciences, Moscow City University, Moscow, Russia.

KozhevnikovSB@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4847-2229>

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Аналитическая статья

УДК 316.47

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.46.2.4

ФЕНОМЕН ДРУГОГО В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Хилханов Д. Л.

Московский городской педагогический университет,

Москва, Россия,

khilkhanovdl@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9382-7757>

Аннотация. Феномен Другого является базовой основой при формировании коллективной идентичности. Самоидентификация Я неизбежно состоит из различных элементов других культур. Другой является важнейшим фактором формирования культурной идентичности. Без значимого Другого нет законченного Я. По своей сути отношение к иммигрантам является одним из ярких выражений культурной и социальной дистанции между Я и Другим. В условиях информационного общества феномен Другого подвергается процессам трансформации, поэтому исследование его основных маркеров в современных условиях является для нас актуальной задачей.

В качестве методологической основы применялся системный подход к анализу маркеров культурной границы с иммигрантами как представителями коллективного Другого. Были проанализированы результаты Всемирного исследования ценностей (WVS) по России за 2017–2020 годы (7-я волна).

Как показывает WVS, в российском обществе наблюдается достаточно толерантное отношение к носителям других языков и вероисповедания на уровне соседского бытового общения. Это значит, что язык и религия перестают быть главными компонентами отличающими Другого, при этом в виртуальной реальности значение Другого сохраняется, так как уровень доверия к нему остается низким более чем в половине случаев.

Можно отметить, что сегодня на первый план выходят такие образы Другого, которые складываются не из исторически обусловленных культурных признаков, таких как язык и религия, а конструируются на основе предполагаемых негативных последствий, приписываемого им возможного потенциального ущерба для общества. Эти образы конструируются в первую очередь в массмедиа и социальных сетях, которые являются коммуникационной основой информационного общества. Они представляют иммигрантов как гомогенные группы, приписывая им всем без исключения возможные негативные модели поведения. В период кризиса, вызванного модернизацией, феномен Другого в России трансформируется и дополняется новыми сконструированными образами, для поддержания необходимой культурной дистанции.

Ключевые слова: Другой, культурная идентичность, информационное общество

Для цитирования: Хилханов Д. Л. Феномен Другого в современных условиях // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2023. № 2 (46). С. 47–58. DOI: 10.25688/2078-9238.2023.46.2.4

Analytical article

UDC 316.47

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.46.2.4

THE PHENOMENON OF THE OTHER IN MODERN CONDITIONS

Dorzhi L. Khilkhanov

Moscow City University,

Moscow, Russia,

khilkhanovdl@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9382-7757>

Abstract. The phenomenon of the Other is the basic basis for the formation of a collective identity. Self-identification I inevitably consists of various elements of other cultures. Other is the most important factor in the formation of cultural identity. Without a meaningful Other there is no complete I. At its core, the attitude towards immigrants is one of the clearest expressions of the cultural and social distance between the Self/Other. In the conditions of the information society, the phenomenon of the Other undergoes transformation processes, therefore, the study of its main markers in modern conditions is an urgent task for us.

As a methodological basis, a systematic approach was used to analyze the markers of the cultural border with immigrants as representatives of the collective Other. The results of the World Values Survey (WVS) for Russia for 2017–2020 were analyzed (7 wave).

As the WVS study shows, in Russian society there is a fairly tolerant attitude towards speakers of other languages and religions at the level of neighborly everyday communication. This means that language and religion cease to be the main components that distinguish the Other, while in the real virtuality the meaning of the Other is preserved, since the level of trust in him remains low in more than half of the cases.

It can be noted that today, such images of the Other come to the fore, which are not made up of historically determined cultural features, such as language and religion, but are constructed on the basis of the alleged negative consequences attributed to them of possible potential damage to society. These images are constructed primarily in the mass media and social networks as the basis of the information society. They present immigrants as homogeneous groups, attributing to all of them, without exception, possible negative behavior patterns. During the crisis caused by modernization, the phenomenon of the Other in Russia is transformed and supplemented by new constructed images in order to maintain the necessary cultural distance.

Keywords: the Other, cultural identity, information society

For citation: Khilkhanov, D. L. (2023). The phenomenon of the Other in modern conditions. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 2 (46), 47–58. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2023.46.2.4>

Введение

Феномен Другого является базовой основой при формировании коллективной идентичности. «Коллективные идентичности имеют внешние составляющие: эти идентичности определяются целыми напластованиями “Других”» [Нойманн, 2004, с. 14]. Идентичность является амбивалентной сама по себе, поскольку формируется в области культурных границ между различными социальными группами, в своеобразной маргинальной зоне, где взаимодействуют кардинально различные культурные элементы [Турарбекова, 2022].

В этих условиях самоидентификация Я неизбежно состоит из различных элементов других культур. Другой является важнейшим фактором формирования культурной идентичности [Кожевникова, 2021]. Без значимого Другого нет законченного Я. Исследования Другого является темой философской рефлексии со времен Античности [Жукоцкая, 2022]. Фраза античных мудрецов «Познай себя» трактуется в том числе как призыв к самоидентификации. Сам же процесс такой самоидентификации неизбежно требует наличия Другого, как четкого критерия различия между Я и Другим.

Люди всегда идентифицировали себя на основе определенных маркеров, в том числе языка, территории, религии, ритуалов, традиций и обычаев (существует множество культурных артефактов, могущих выступить в качестве таких маркеров). Концепция Ф. Барта сдвинула фокус исследований именно на усилия социальной группы по поддержанию культурной границы в актуальном состоянии [Барт, 2006]. В этой ситуации именно феномен Другого является основным мотивом и критерием определения этой границы.

В простых сообществах культурная идентичность реализовалась в противопоставлении «люди – нелюди», в дальнейшем развитии общества дихотомия трансформируется в противопоставление «представители моего рода,

сородичи – инородцы», сегодня мы трактуем это противостояние как «соотечественники – иностранцы», но если же речь идет о ситуации внутри страны, например России, то «россияне – иммигранты». Современные экономические и миграционные процессы в развитых странах мира выдвинули проблемы отношений к иммигрантам на первый план в социальных и психологических исследованиях. По своей сути отношение к иммигрантам является одним из ярких выражений культурной и социальной дистанции между Я и Другим. В условиях информационного общества феномен Другого в России подвергается процессам трансформации, поэтому исследование его основных маркеров и образов в современных условиях является для нас актуальной задачей.

Методологические основания

В качестве методологической основы применялся системный подход к анализу маркеров культурной границы с иммигрантами как представителями коллективного Другого. Были проанализированы результаты Всемирного исследования ценностей (WVS) по России за 2017–2020 годы (7-я волна), находящиеся в открытом доступе на сайте: <https://www.worldvaluessur-vey.org/wvs.jsp>. Это исследование является самым масштабным в истории, оно проводится с 1981 года более чем в 90 странах мира [Haerpfer et al., 2020]. Доступность баз данных для исследователей со всего мира послужила основой 30 000 публикаций на сегодняшний день. Данная база данных динамики ценностных ориентаций является репрезентативной, по мнению экспертов [Gedeshi et al., 2020].

Результаты

Таблица 1

**В этой таблице Вам представлены различные группы людей.
Пожалуйста упомяните те группы, которые Вы не хотели бы видеть
в качестве своих соседей, %¹**

Вопросы	Упомянуты	Не упомянуты
Q19. Люди другой расы	15,7	84,3
Q21. Иммигранты / иностранные рабочие	32,3	67,7
Q23. Люди другой религии	11,3	88,7
Q26. Люди, которые говорят на другом языке	12,6	87,4

¹ Здесь и далее перевод с английского Д. Л. Хилханова.

Таблица 2

В какой степени Вы доверяете представителям различных групп, %

Вопросы	Полностью доверяю	Частично доверяю	Не доверяю в значительной степени	Не доверяю полностью	Не знаю
Q62. Люди другой религии	4,6	30,8	34,5	20,5	9,1
Q63. Люди другой национальности	5,1	31,5	34,2	19,8	9

Таблица 3

Как Вы считаете, какой эффект оказывают иммигранты на развитие Вашей страны, %

Вопросы	Не согласен	Затрудняюсь ответить	Согласен
Q122. Заполняют рабочие места на рынке труда	35,8	6	58,2
Q123. Усиливают культурное разнообразие	53	6,6	40,4
Q124. Рост уровня преступности	22,8	7,5	69,7
Q125. Убежище для политических беженцев	19,7	10,6	69,6
Q126. Увеличение угрозы терроризма	20	7,8	72,2
Q127. Помощь бедным, чтобы они могли начать новую жизнь	20,4	7,5	72,1
Q128. Рост безработицы	27,8	8,2	64
Q129. Рост социальных конфликтов	19,3	7,7	73

Дискуссионные вопросы

Анализ опросов WVS показывает, что отношения россиян к иммигрантам, иностранным рабочим в два-три раза менее терпимое (32,3 % опрошенных не хотели бы иметь их соседями), чем к представителям другой расы, носителям другого языка, религии (12–15 %).

Более половины (54–56 %) респондентов прямо не доверяют представителям другой национальности и религии. Из числа опрошенных 9 % затруднились ответить на этот вопрос, т. е. они еще не сформировали свое мнение на этот счет.

В первую очередь респонденты идентифицируют иммигрантов как носителей потенциальной угрозы для их благополучия. Они приписывают им следующее: занятие иммигрантами рабочих мест на рынке труда, рост безработицы, рост

уровня преступности, угрозы терроризма, развитие конфликтов (от 64 до 73 %). В нейтральном плане россияне воспринимают иммигрантов как политических беженцев и как людей, стремящихся вырваться из бедности (69,6 % и 72,1 % соответственно).

Итоги WVS в визуальном выражении представлены на культурной карте мира Инглхарта – Вельцеля, которая представляет собой точечную диаграмму, где исследованные страны представлены по вертикальной оси Y (традиционные и светско-рациональные ценности) и по горизонтальной оси X (ценности выживания и самовыражения) [*The World Value Survey*, 2020].

Шкала ценностей выживания-самовыражения Р. Инглхарта определяет степень перехода страны к постиндустриальному обществу. Ценности выживания отражают вопросы экономической и физической безопасности, покорность, низкую оценку прав человека, низкий уровень доверия и толерантности. Ценности самовыражения — это вопросы экологии и защита окружающей среды, терпимость к иностранцам, рост требования к участию в экономической и политической жизнедеятельности государства, высокая оценка прав человека [Inglehart et al., 2014].

Р. Инглхарт подчеркивает рост ценностей самовыражения в странах, где проходили опросы WVS, он связывает этот факт с успешным социально-экономическим развитием: «Модернизация превращается в процесс человеческого развития, в рамках которого социально-экономический прогресс ведет к изменениям в культурной сфере, усиливающим вероятность утверждения личной независимости, гендерного равенства и демократии, формируя общество нового типа, способствующее эмансипации людей сразу по многим направлениям» [Инглхарт, Вельцель, 2011, с. 11].

Культурная карта мира Инглхарта – Вельцеля показывает, что Россия по шкале ценностей выживания-самовыражения имеет показатель в 2020 году: –0,5. В 1990-е данный показатель составлял: –1,9 [*The World Value Survey*, 1996]. При этом отрицательные значения шкалы выживания-самовыражения: –0,5 для России, говорят о том, что ценности выживания в нашей стране в целом еще преобладают, хотя прогресс ценностей самовыражения является более чем очевидным. В условиях доминирования ценностей самовыражения терпимость к Другому, в первую очередь к иностранцу, является заметным признаком постиндустриального общества [Inglehart, 2018]. Такой тип общества также называют информационным.

Особенности культурной идентичности в эпоху современного информационного общества рассматривает в своих работах М. Кастельс [Castells et al., 2018a]. По его мнению, основой такого общества являются социальные сети, с развитой ризоморфной системой коммуникаций. Философы Ж. Делез и Ф. Гваттари ввели понятие ризомы как символа эпохи постмодернизма [Deleuze, Guattari, 1976]. Главным признаком такой системы коммуникаций, отличающим ее от исторически традиционной древовидной иерархической структуры, является горизонтальный характер ее связей [Либерта, 2021].

Отсутствие вертикальной иерархической системы является признаком современных социальных сетей. Автономность этих сетей от контроля со стороны государства обеспечивает быстрое развитие ценностей самовыражения.

М. Кастельс отмечает, что культурная идентичность, сформировавшаяся в ходе исторического развития, в информационном обществе сохраняет свое значение [Castells, 2018]. При этом процессы модернизации, несомненно, изменяют ее традиционные маркеры. В многонациональных и поликонфессиональных государствах миноритарные этнические группы сегодня, как правило, актуализируют свою культурную идентичность. «Национализм, локализм, этнический сепаратизм и культурные общины порывают с обществом в целом, выстраивая его институты не снизу вверх, но изнутри вовне, то есть те, кто суть мы против тех, кто к нам не принадлежит» [Кастельс, 2000, с. 506].

Язык и религия — это традиционные определяющие культурные маркеры этничности и национальности [Хантингтон, 2016]. Язык ассоциируется с определенной культурой, «он в любое время, на протяжении которого эта связь наличествует, наилучшим образом может называть артефакты, формулировать выражения или выражать интересы, оценки и мировоззрение этой культуры» [Fishman, 1991, p. 20].

Фишман писал, что «модели социализации ребенка ассоциируются с определенным языком, что культурные стили межличностных отношений ассоциируются с определенным языком, что этические принципы, лежащие в основе повседневной жизни, ассоциируются с определенным языком, и что даже материальная культура и эстетическое восприятие обычно обсуждается и оценивается посредством фигур речи, которые по большей части существуют только в этой культуре, а не являются универсальными» [Fishman, 1991, p. 24].

Автор статьи ранее рассматривал влияние Интернета на развитие языков [Хилханов, Хилханова, 2021, с. 55–65]. Появление феномена транслингвальности, создание гибридных языковых форм, смешанный код — это отличительные особенности развития современной языковой ситуации у миноритарных этносов [Хилханова, Хилханов, 2020, с. 38].

Как показывает исследование WVS, в российском обществе наблюдается достаточно толерантное отношение к носителям других языков и вероисповедания на уровне соседского бытового общения. Это значит, что язык и религия перестают быть главными компонентами, отличающими Другого, при этом в виртуальной реальности значение Другого сохраняется, так как уровень доверия к нему остается низким более чем в половине случаев.

Можно отметить, что сегодня на первый план выходят такие образы Другого, которые складываются не из исторически обусловленных культурных признаков, таких как язык и религия, а конструируются на основе предполагаемых негативных последствий приписываемого им возможного потенциального ущерба для общества. Эти образы конструируются в первую очередь в массмедиа и социальных сетях, которые являются коммуникационной основой информационного общества. Они представляют иммигрантов как гомогенные группы,

приписывая всем им без исключения возможные негативные модели поведения. При этом позитивная/нейтральная оценка иммигрантов также существует в форме эмпатии к ним как к политическим беженцам и людям, пытающимся построить лучшую жизнь.

Заключение

Информационное общество должно являться по определению космополитичным и интернационалистским, поскольку основывается на ценностях самовыражения. Ризоморфность сетевых коммуникаций обеспечивает свободное равноправное общение между представителями различных национальностей, что потенциально ведет к их сближению. Такие традиционные культурные коды как язык и религия, перестают быть основными маркерами этнической границы в России [Khilkhanova, 2021]. В то же время феномен Другого остается актуальным в виртуальной реальности. В дополнение к традиционным культурным кодам приходят новые сконструированные гомогенные образы Другого в виде приписывания всем иммигрантам негативных моделей поведения. Это связано с тем, что в период модернизации коммуникационных технологий, взрывного увеличения информационных потоков значение культурной дистанции сохраняется, а, по мнению М. Кастельса, в виртуальной реальности происходит увеличение дистанции между «между глобализацией и идентичностью, между сетью и “Я”» [Кастельс, 2000, с. 44]. В период кризиса, вызванного модернизацией, феномен Другого в России трансформируется и дополняется новыми сконструированными образами, для поддержания необходимой культурной дистанции.

Список источников

1. Барт Ф. (ред.) Этнические группы и социальные границы: социальная организация культурных различий: сб. ст. / пер. с англ. И. Пильщикова. М.: Новое издательство, 2006. 200 с.
2. Жукоцкая А. В. «диалог культур» и «культура диалога» — о взаимных гарантиях и дефицитах // Диалог культур. Культура диалога: цифровые коммуникации: мат-лы Третьей Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 29 марта – 02 апреля 2022 г. / редколлегия: Л. Г. Викулова (отв. ред.) [и др.]. М.: Языки Народов Мира, 2022. С. 124–130.
3. Инглхарт Р. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Вельцель. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: пер. с англ. / под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
5. Кожевникова М. Н. Значение Другого в контексте философско-антропологических оснований образования // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 1. С. 73–86. DOI: 10.17072/2078-7898/2021-1-73-86

6. Либер А. От структуры к ризоме: трансдисциплинарность во французской философии. Субъект ре-/децентрированный // Логос. 2021. Т. 31. № 3. С. 123–148. DOI: 10.22394/0869-5377-2021-3-123-145

7. Нойманн И. Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей / пер. с англ. В. Б. Литвинова, И. А. Пильщикова; предисл. А. И. Миллера. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.

9. Турарбекова Л. В. «Поколение Я-Поколение Мы»: парадоксы префигуративной культуры на постсоветском пространстве / Л. В. Турарбекова, А. М. Канагата, Д. Р. Сапарова, С. Ж. Едилбаева // Вестник ЕНУ им. Л. Гумилева. Серия: Исторические науки. Философия. Религиоведение. 2022. Т. 139. №. 2. С. 168–188. DOI: 10.32523/2616-7255-2022-139-2-168-18

9. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева. М.: АСТ, 2016. 640 с.

10. Хилханов Д. Л. Феномен культурной дистанции в современных условиях (языковые и религиозные факторы) / Д. Л. Хилханов, Э. В. Хилханова // Вестник МГПУ. Философские науки. 2021. № 3 (39). С. 55–65. DOI: 10.25688/2078-9238.2021.39.3.06.

11. Хилханова Э. В. Этнокультурная идентичность мигрантов из восточных регионов бывшего СССР в свете теории «столкновения культур» / Э. В. Хилханова, Д. Л. Хилханов // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 1. С. 31–38. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-1-31-38

12. Castells M. Rupture: The Crisis of Liberal Democracy. Cambridge: Polity Press, 2018. 176 p.

13. Castells M., Bouin O., Caraça J., Cardoso G., Thompson J. B., Wieviorka M. (Eds). Europe's Crises. Cambridge: Polity Press, 2018a. 476 p.

14. Deleuze G. Rhizome: Introduction / G. Deleuze, F. Guattari. Paris: Les Éditions de Minuit, 1976. 74 p.

15. Fishman J. A. Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages. England: Multilingual Matters, 1991. 431 p.

16. Gedeshi I. European Values Study Longitudinal Data File 1981–2008 (EVS 1981–2008). Köln: GESIS Datenarchiv, 2020. ZA4804 Datenfile Version 3.1.0. / I. Gedeshi, P. M. Zulehner, D. Rotman, L. Titarenko, J. Billiet, K. Dobbelaere, J. Kerkhofs. <https://doi.org/10.4232/1.13486>

17. Haerpfer C., Inglehart R., Moreno A., Welzel C., Kizilova K., Diez-Medrano J., Lagos M., Norris P., Ponarin E., Puranen B. (Eds.). World Values Survey: Round Seven — Country-Pooled Datafile. Spain: Madrid; Austria: Vienna: JD Systems Institute & WWSA Secretariat, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp>

18. Inglehart R., Haerpfer A., Moreno C., Welzel K., Kizilova J., Diez-Medrano M., Lagos P., Norris E., Ponarin B. (Eds.). World Values Survey: All Rounds — Country-Pooled Datafile Version. Madrid: JD Systems Institute, 2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWVL.jsp>

19. Inglehart R. F. Cultural evolution: peoples motivations are changing, and reshaping the world. Cambridge University Press, 2018. 288 p. DOI: 10.1017/9781108613880

20. Khilkhanova E. Language ideologies and multilingual practices of post-soviet migrants in western europe from a translanguaging perspective // Balcania et Slavia. Studi linguistici. Studies in linguistics. 2021. Vol. 1. № 1. P. 01–30. DOI: 10.30687/BES/0/2021/01/000

21. The World Value Survey. The Inglehart-Welzel World Cultural Map. World Values Survey 4, 1996 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/> (дата обращения: 16.02.2023).

22. The World Value Survey. The Inglehart-Welzel World Cultural Map. World Values Survey 7, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/> (дата обращения: 16.02.2023).

References

1. Bart, F. (Ed.). (2006). *Etnicheskie gruppy i social'nye granicy: Social'naya organizaciya kul'turnyh razlichij* [Ethnic groups and social boundaries: social organization of cultural differences] (translated from English by I. Pilshchikov). Moscow: New Publishing House. 200 p. (In Russian).

2. Zhukotskaya, A. V. (2022). “Dialog kul'tur” i “kul'tura dialoga” — o vzaimnykh garantiiakh i defitsitakh [“Dialogue of cultures” and “culture of dialogue” — about mutual guarantees and deficits]. Dialog kul'tur. Kul'tura dialoga: cifrovye kommunikacii [Dialogue of Cultures. Culture of dialogue: Digital communications]. Materials of the Third International Scientific and Practical Conference, Moscow, March 29 – April 02, 2022 (editorial board: L. G. Vikulova (responsible editor) [et al.]) (pp. 124–130). Moscow: Yazyki Narodov Mira. (In Russian).

3. Inglehart, R., & Vel'tsel' K. (2011). *Modernizatsiia, kul'turnye izmeneniia i demokratiia: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiia* [Modernization, cultural changes and democracy: the sequence of human development]. Moscow: New Publishing House. 464 p. (In Russian).

4. Castells, M. (2000). *Informatsionnaia epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The Information Age: Economy, Society and Culture] (translated from English; under the scientific editorship of O. I. Shkaratan). Moscow: Higher School of Economics. 608 p. (In Russian).

5. Kozhevnikova, M. N. (2021). Znachenie Drugogo v kontekste filosofsko-antropologicheskikh osnovanii obrazovaniia [The significance of the other in the context of the philosophical and anthropological foundations of education]. *Bulletin of the Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology*, 1, 73–86. (In Russian). <http://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-1-73-86>

6. Libera, A. (2021). Ot struktury k rizome: transdistsiplinarnost' vo frantsuzskoi filosofii. Sub'ekt re-/detsentrirovanny [From structure to rhizom: transdisciplinary in French philosophy. The subject of re-/decentered]. *Logos*, 31, 3, 123–148. (In Russian). <http://doi.org/10.22394/0869-5377-2021-3-123-145>.

7. Noimann, I. (2004). *Ispol'zovanie “Drugogo”: obrazy Vostoka v formirovanii evropeiskikh identichnostei* [The use of “other”: images of the East in the formation of European identities] (translated from English by V. B. Litvinov, & I. A. Pilshchikova; preface by A. I. Miller. Moscow: New Publishing House. 336 p. (In Russian).

8. Turarbekova, L. V., Kanagatova, A. M., Saparova, D. R., & Edil'baeva, S. Zh. (2022). “Pokolenie Ia-Pokolenie My”: Paradoksy prefigurativnoi kul'tury na postsovetском prost-ranstve [“Generation of I-Poking We”: paradoxes of prefigurative culture in the post-Soviet space]. *Bulletin of ENU named after L. Gumilyov series: Historical sciences. Philosophy. Religious Science*, 139, 2, 168–188. (In Russian). <http://doi.org/10.32523/2616-7255-2022-139-2-168-18-18>

9. Khantington, S. (2016). *Stolknovenie tsivilizatsii [Clash of civilizations]* (translated from English by T. Velmeyev. Moscow: AST Publishing House. 640 p. (In Russian).
10. Khilkhanov, D. L., & Khilkhanova, E. V. (2021). Fenomen kul'turnoi distantsii v sovremennykh usloviyakh (iazykovye i religioznye faktory) [The phenomenon of cultural distance in modern conditions (linguistic and religious factors)]. *Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Philosophical sciences*, 3(39), 55–65. (In Russian). <http://doi.org/10.25688/2078-9238.2021.39.3.06>
11. Khilkhanova, E. V., & Khilkhanov D. L. (2020). Etnokul'turnaia identichnost' migrantov iz vostochnykh regionov byvshego SSSR v svete teorii «stolknoveniia kul'tur» [Ethnocultural identity of migrants from the eastern regions of the former USSR in the light of the theory of “clash of cultures”]. *Polylinguality and transcultural practices*, 17, 1, 31–38. (In Russian). <http://doi.org/10.22363/2618-897X-2020-17-1-31-38>
12. Castells, M. (2018). *Rupture: The Crisis of Liberal Democracy*. Cambridge: Polity Press. 176 p.
13. Castells, M., Bouin, O., Caraça, J., Cardoso, G., Thompson, J. B., & Wiewiorka, M. (Eds) (2018a). *Europe's Crises*. Cambridge: Polity Press. 476 p.
14. Deleuze G., & Guattari F. (1976). *Rhizome. Introduction*. Paris: Les Éditions de Minuit. 74 p.
15. Fishman, J. A. (1991). *Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages*. England: Multilingual Matters. 413 p.
16. Gedeshi, I., Zulehner, P. M., Rotman, D., Titarenko, L., Billiet, J., Dobbelaere, K., & Kerkhofs J. (2020). *European Values Study Longitudinal Data File 1981–2008 (EVS 1981–2008). ZA4804 Datenfile Version 3.1.0*. Köln: GESIS Datenarchiv. Retrieved from <https://doi.org/10.4232/1.13486>
17. Haerpfer, C., Inglehart, R., Moreno, A., Welzel, C., Kizilova, K., Diez-Medrano, J., Lagos, M., Norris, P., Ponarin, E., & Puranen B. (Eds). (2020). *World Values Survey: Round Seven — Country-Pooled Datafile*. Spain: Madrid; Austria: Vienna: JD Systems Institute & WVSA Secretariat. Retrieved from <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp>
18. Inglehart, R., Haerpfer, C., Moreno, A., Welzel, C., Kizilova, K., Diez-Medrano, J., Lagos, M., Norris, P., Ponarin E., & Puranen B. et al. (Eds). (2014). *World Values Survey: All Rounds — Country-Pooled Datafile Version*. Madrid: JD Systems Institute. Retrieved from <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWVL.jsp>
19. Inglehart, R. F. (2018). *Cultural evolution: peoples motivations are changing, and re-shaping the world*. Cambridge University Press. 288 p. <http://doi.org/10.1017/9781108613880>
20. Khilkhanova, E. (2021). Language ideologies and multilingual practices of post-soviet migrants in western europe from a translanguaging perspective. *Balkanica et Slavia. Studi linguistici | Studies in linguistics*, 1, 1, 01–30. <http://doi.org/10.30687/BES/0/2021/01/000>
21. *The World Value Survey* (1996). The Inglehart-Welzel World Cultural Map. World Values Survey 4. Retrieved from <http://www.worldvaluessurvey.org/>
22. *The World Value Survey* (2020). The Inglehart-Welzel World Cultural Map. World Values Survey 7. Retrieved from <http://www.worldvaluessurvey.org/>

Информация об авторе / Information about the author:

Хилханов Доржи Львович — доктор социологических наук, профессор, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия.

Khilkhanov Dorzhi L'vovich — Doctor of Sociology, Professor, Moscow City University, Moscow, Russia.

khiklhanovdl@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9382-7757>

Научно-исследовательская статья

УДК 130.2

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.46.2.5

ИНДУССКИЙ ЭТНОРЕЛИГИОЗНЫЙ ФУНДАМЕНТАЛИЗМ

Волобуев А. В.

Финансовый университет при Правительстве РФ,

Москва, Россия,

avvolobuev@fa.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу пересечения религиозного фундаментализма и национализма как двух различных матриц идентичности. В статье выделены ключевые черты религиозного фундаментализма и показан спектр возможных взаимоотношений фундаментализма и национализма. На примере индусского этнорелигиозного фундаментализма продемонстрированы варианты сращивания религиозного фундаментализма и национализма в радикальную этнорелигиозную фундаменталистскую идеологию. Фундаментализм не представляет собой единого целого, это множество, являющееся общественно-политическим выражением религиозного нарратива, который заполнил идейную и ценностную пустоту, оставленную после конца метанарративов. Автор выявляет общее и различия между индуским этнорелигиозным фундаментализмом и Великим пробуждением протестантских религиозных ревайвистов в конце XIX века, а также реформистскими движениями суннитских мусульман, показывая, что похожие процессы параллельно происходили в ответ на одни и те же вызовы в разных концах света и в разных культурно-исторических обстоятельствах. Автор обосновывает тезис о том, что религиозный фундаментализм и национализм в этом плане могут быть не только конкурентами за идентичность, но и составлять порой причудливый симбиоз, образуя идеологию, требующую возврата к «изначальной чистоте» нации и догматов веры, даже если этой чистоты, как и нации, в доиндусский период не существовало.

Ключевые слова: фундаментализм, философия религии, социальная философия, политическая философия, индуизм, индускость

Для цитирования: Волобуев А. В. Индуский этнорелигиозный фундаментализм // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2023. № 2 (46). С. 59–67. DOI: 10.25688/2078-9238.2023.46.2.5

Research article

UDC 130.2

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.46.2.5

HINDU ETHNO-RELIGIOUS
FUNDAMENTALISM

Alexey V. Volobuev

Financial University under the government of Russian Federation,
Moscow, Russia,
avvolobuev@fa.ru

Abstract. The article examines the intersection of religious fundamentalism and nationalism as two distinct identity matrices. The article highlights the key features of religious fundamentalism and shows the spectrum of possible relationships between fundamentalism and nationalism. Using the example of Hindu ethno-religious fundamentalism, options for merging religious fundamentalism and nationalism into a radical ethno-religious fundamentalist ideology have been demonstrated. Fundamentalism does not represent a single whole, it is a set that is a socio-political expression of a religious narrative that has filled the ideological and value void left after the end of metanarratives. The author reveals the general and differences between Hindu ethno-religious fundamentalism and the Great Awakening of Protestant Religious Revivalists at the end of the 19th century, as well as the reformist movements of Sunni Muslims, showing that similar processes simultaneously occurred in response to the same challenges at different ends of the world and in different cultural and historical circumstances. The author justifies the thesis that religious fundamentalism and nationalism, in this regard, can not only be competitors for identity, but also constitute sometimes bizarre symbiosis, which forms an ideology that requires a return to the “original purity” of the nation and the dogmas of faith, even if this purity, like the nation, did not exist in the pre-modern period.

Keywords: fundamentalism, philosophy of religion, social philosophy, political philosophy, Hindus, Hinduism

For citation: Volobuev, A. V. (2023). Hindu ethno-religious fundamentalism. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 2 (46), 59–67. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2023.46.2.5>

Сама идея индуистского фундаментализма выглядит причудливо и маловероятно: как может фундаменталистская традиция сформироваться в религии, где существует огромное множество фундаментов? Но фундаментализм — явление не исключительно религиозное, поэтому фундаменталистские течения и движения возникают на мировоззренческой и социально-политической почве, а не ограничиваются строго религиозным полем. Говорить об индуистском фундаментализме было бы в самом деле некорректно; ключевым концептом, вокруг которого формируется рассматриваемый в данном разделе феномен, является индусскость (хиндутва) — этно-религиозная идентичность.

Для рассмотрения индийского фундаментализма уместно будет привлечь казус Айодхья. Это древний город в Индии, центр паломничества. Когда-то он был столицей державы Чандрагупты II, потом Ауда и находится в округе Файзабад в штате Уттар-Прадеш. Веруют, что тут родился Рама и находилась столица легендарного царства Кошала. Город расположен на реке Гхагхре и считается одним из семи основных святых мест индуизма.

Согласно легендам, название города связано с именем его основателя царя Айюдха, в древних текстах он упоминается как один из предков Рамы. Имя царя содержит санскритский корень «yudh» (бой или ведение войны) и может быть переведено как «непобедимый». Со времен Гаутамы город стал называться Ауојјhā на языке пали и Ayodhya на санскрите.

В первые несколько столетий нашей эры Айодхья называлась Сакетой, была завоевана императором Канишкой в 127 году и превратилась в административный центр его восточных территорий. Доподлинно неизвестно, когда название изменилось, но во время визита китайского монаха Сюаньцзана в 636 году город снова назывался Айодхой.

В 1527 году могольский падишах Бабур построил огромную мечеть Бабри.

Она стала одной из самых больших мечетей в штате Уттар Прадеш, хотя это было священное место не только для мусульман, но и для индусов, поскольку в городе и штате меньшинство были мусульманами. Согласно индуистской традиции, холм, на котором была построена мечеть, носил название Рамкот, то есть «крепость Рамы». Когда-то там был храм, посвященный Раме, а также королю Айодхьи и седьмой инкарнации бога Вишну, а также он считался местом, где Рама (полное имя Рамачандра) родился 7 тыс. лет назад. Хотя на это место индуисты не претендовали несколько столетий, начиная с XIX века между индусами и мусульманами стали возникать споры и конфликты по поводу принадлежности холма и мечети. В конце концов, 6 декабря 1992 года воинственные индуистские националисты снесли мечеть, что вызвало многочисленные беспорядки по всей Индии и в них не обошлось без смертей.

Снос мечети в 1992 году проводит символическую границу в современной индийской истории, поскольку он оказался спусковым крючком для возрождения или формирования заново некоторых индуистских культурных и религиозных движений, корни которых относятся к XIX веку. Политико-религиозная мысль этих разношерстных движений выкристаллизовалась к середине XX века в идеологию индусскости (хиндутва) — неологизм, введенный Винаяком Дамодаром Саваркар, означающий чистую индусскую идентичность. Саваркар рассматривал индуизм как этническую культурную и политическую идентичность и считал Индию местом ее рождения, землей, откуда пошла религия. С исторической точки зрения важно помнить, что несколько социально-религиозных реформистских движений сформировались в XIX веке в колониальной Индии, то есть триггером для формирования национальной идентичности, обернутой в форму рафинированной традиции, стала именно борьба с колониализмом. Среди этих движений одним из наиболее важных по своему

социально-политическому и религиозному влиянию оказалось Арья Самадж («Общество ариев»), которое было основано в 1875 году. Даянандой Сарасвати [Sen, 2006]. Проект был оригинальной герменевтической попыткой возродить и обновить индуизм таким образом, чтобы он мог ответить на вызовы времени, в первую очередь на угнетение Индии британскими колониальными властями. Существуют интересные аналогии между этим движением и Великим пробуждением протестантских религиозных ревайелистов в конце XIX века, а также реформистскими движениями суннитских мусульман, то есть похожие процессы параллельно происходили в ответ на одни и те же вызовы в разных концах света и в разных культурно-исторических обстоятельствах. Движение Арья Самадж предлагало пересмотреть и переопределить фундаментальные основы индуистской веры. В порядке значимости ключевые положения, предлагаемые Арья Самадж, следующие: вера в единого высшего Бога — источник всех знаний, разумного и милосердного, правого и вездесущего, единственное существо, которое достойно поклонения; Веды (писания) являются единственным источником истины и понимания, непогрешимое, неизменное священное слово, которому все арии должны следовать; все поступки человека должны соответствовать космическому закону дхармы и должны, таким образом, быть вдохновлены принципами любви, справедливости и прямооты; все это достигается стремлением к благоденствию рода человеческого, осведомленностью о невежестве и стремлением это невежество искоренить [Jaffrelot, 2007].

Мысль Даянанды склонна трансформировать глубоко политеистический индуизм в монотеистическую систему, транслируя основания веры в упрощенную систему верований, которую можно свести к следующим ключевым положениям: во-первых, вера в единого высшего Бога, во-вторых, восприятие священных текстов, Вед, как непогрешимого источника истины и, в-третьих, использование вышеперечисленного для формирования социальных и моральных норм как символического ресурса для национально-религиозной идентичности. Таким образом, движение Арья Самадж оказалось на перекрестке между двумя влиятельными движениями в индийском обществе конца XIX столетия: с одной стороны, перед ним стояла задача освободиться от британского колониального ярма; с другой стороны, надежда на культурное и духовное спасение, достижимое через возвращение к чистым религиозным корням индуизма, в которые необходимо вдохнуть новую жизнь, влить свежую кровь, была отправной точкой на пути пробуждения. Один из ближайших сподвижников Даянанды воскресил античный ритуал очищения (шуддхи), адаптировав его к тому, что мы могли бы назвать практикой возвращения. В самом деле буквально это слово означает и очищение, и возвращение, реконверсию. Его истоки относятся к тому времени, когда в Индии доминировала империя Великих Моголов и многие индусы были обращены в ислам. С закатом мусульманского правления шуддхи был доведен до совершенства, чтобы использоваться для возвращения тех индусов, которые приняли ислам, к своей исконной религии. Люди, проходящие через этот ритуал, считались из-за своего перехода в ислам

замаранными тяжким грехом, превращавшим их в вероотступников, которых индуистское общество не признавало. Церемония включала в себя омовение ног в водах священной реки Ганг, а затем человек должен был выпить ее очищающую воду. Такая конверсия водой символически очищает душу, испорченную другой религией. Согласно учению Арья Самадж, это означает возвращение потерявшейся души домой, возвращение паствы к своему пастуху.

Контекст, в котором ритуал очищения формируется в рамках национально-религиозного фундаментализма Арья Самадж, можно характеризовать как поток социально-религиозных споров и полемики, которые в каких-то областях имеют обостренный характер, в каких-то менее острый. Но в целом есть основания говорить, что индуистский экстремизм особенно активен в дискредитации и обвинении людей, которые были обращены в ислам или христианство, в том, что они ответственны за потерю индийским народом традиционных ценностей и идентичности. Особенно яростной остроты эта дискредитация достигает в тех областях, где влияние ислама максимально. Эта риторика очень быстро нашла своих политических сторонников в таких движениях, как Раштрия сваямсевак сангх (РСС), основанный в 1925 году Хеджеваром, а также Всемирный совет индусов, Вишва хинду паришад, образованный в 1964 году как культурная и религиозная ветвь вышеупомянутой организации. Ритуал шуддхи стал частью целой сети коллективной деятельности, направленной на привлечение и консолидацию сторонников индийской народной партии Бхарата Джамата, которая восходила к РСС. Индийская народная партия была основана в 1980 году, и нынешний премьер-министр Индии Нарендра Моди, занимающий пост с 2014 года, является ее сторонником. Деятельность партии характеризуется определенной долей насилия, в том числе и физического, включает в себя настойчивые попытки убедить обращенных в другие религии индийцев вернуться к своей исконной вере, которые, в свою очередь, могут принимать форму нападений на культовые места, как, например, в случае с мечетью в Айодхье, акты вандализма по отношению к религиозным школам других конфессий, иные насильственные методы. Например, в сентябре 2006 года группа индусских экстремистов закидала камнями католическую школу в столице штата Уттар Прадеш, поскольку они полагали, что индийские девочки насильственно обращались в католичество в нарушение законов штата. Уттар Прадеш является одним из немногих штатов Индии, где обращение в другую веру запрещено, что тоже является ярким примером влияния фундаменталистов. В августе 2008 года жестокие беспорядки, организованные боевиками Вишва хинду паришад, закончились сожжением католического приюта в штате Ориса после убийства их лидера Самисарасвати. Началось целое политическое сражение с целью расширения области действия закона, запрещающего забой коров, животных, которых индусы традиционно считают священными, а также, в конце концов, были организованы различные мероприятия для обращения обратно в индуизм племенных общин, так называемых далитов (изгоев). Далиты, изгои в индийском кастовом обществе, что совершенно неудивительно,

не хотели мириться со своим социальным положением и часто переходили в другие конфессии, в которых все люди были равны перед Богом, а спасение считалось индивидуальным и зависело только от поступков самого человека: в ислам, христианство, буддизм и др.

Важно помнить, что противоречия вокруг обращения были вызваны не только трениями между различными системами верований, но и постоянными, возникающими все снова и снова политическими и социальными спорами касательно положения угнетенных, далитов, и аборигенов, которые на санскрите называют себя *адиваси*. Причем первых приблизительно 167 млн человек в регионе, в других же только 70 млн человек. Обе социальные группы, даже несмотря на давным-давно отмененную кастовую систему и компенсирующие законы, направленные на то, чтобы помочь далитам и многим другим меньшинствам в Индии, по-прежнему привязаны к кастовой системе, которая выбрасывает их по обе стороны баррикад в обществе.

С XIX века, с распространением католических и протестантских миссионеров в Индии, количество обращенных в христианство также стало расти, не отстают и буддисты. В сентябре 2006 года в Нагпуре (Центральная Индия) была организована праздничная церемония, посвященная обращению примерно 100 тыс. человек в буддизм, значительную часть их составляли далиты. Буддийское движение далитов, одного из ведущих организаторов церемонии, было основано Бхимрао Рамджи Амбедкар в 1956 году, который сам был новообращенным в буддизме и являлся пламенным социальным реформатором, выступавшим против общественной дискриминации неприкасаемых. Далиты и адиваси, обращенные в христианство, в ходе этой церемонии заново обращались в буддизм. Примечательно, что вновь обращенными, вернувшись в лоно истинной религии считались даже те, кто до этого никогда не был буддистом. В ходе ритуала очищения они возвращали себе имя, которое забыли после крещения, совершали ритуальные омовения, после чего им давали новую одежду.

Нелегко провести границу между религией, политикой и экономикой, поскольку в этом конфликте в какой-то степени представлены все три измерения, но одно можно заключить смело: с 1980 года количество конфликтов в индийском обществе на национально-религиозной почве существенно увеличилось. Именно с этого времени в Индии начались глубокие социально-экономические метаморфозы, резко изменившие социальную стратификацию индийского общества, глубоко укорененную в древней кастовой системе [Braas, 2005]. Наиболее явным знаком этой эволюции было развитие движения далитов, которое бросило вызов культурным и социальным препятствиям, до сих пор мешавшим получить 16,2 процентам индийского населения полный доступ ко всем их правам и стать полноценными членами общества. Между ожиданием социальной справедливости и восстановлением экономического развития, с одной стороны, и стремлением оставить индуистскую веру, в которой эти люди родились, в пользу других религий — с другой, как правило, есть тесная связь [Fernandes, 1981].

Анализ конкретных ситуаций, касающихся религиозных обращений на индийском субконтиненте, выявляет интересные стороны феномена фундаментализма, поскольку здесь происходит сражение вдоль символических границ между системами верований в исторически плюралистическом с религиозной точки зрения обществе. Эта битва проходит не только в области религии. В действительности идеологические предпосылки имеют преимущественно политический характер. Защищая границы религиозных систем и идентичность, ее сторонники укрепляют превосходство одной этносоциальной группы над другими и в то же самое время утверждают свое доминирование над территориями внутри национальных границ. В соответствии с теорией чистоты и опасности, изложенной М. Дуглас [Douglas, 1984], в подобной системе люди других религий считаются врагами и угрозой культурному единству. Так что обращение и возврат к истокам означает для людей социальных групп не только и не столько поиски личной связи с Богом, сколько изменение социально-политических структур. Защищать религиозную истину и сакральную чистоту означает также поддерживать националистическую идеологию — индусскость (хиндутву), которая провозглашает: «Индия — только для индусов» и «Индия превыше всего».

Заключение

Оба случая, описанные выше, — и сингальский, и индусский националистский фундаментализм, — характеризуются массовыми движениями, которые способны бросить вызов модели секулярного общества и подорвать основы светского государства. Фундаменталистские движения противопоставляют себя светскому государству, которое способно нейтрализовать религиозные конфликты и управлять обществом религиозного плюрализма, основанным на свободе совести [Beuer, p. 3]. Для фундаменталистов же существует только один народ, признающий только одну религию, говорящий на языке, который восходит к сакральным текстам, и живущий на священной земле неприкосновенных символических и территориальных границ. В странах вроде Индии и Шри-Ланки массовые движения мобилизуют символические ресурсы, взятые из религиозного поля, и вкладывают их в политическую сферу. Одним словом, мы являемся свидетелями подъема этнорелигиозного национализма, имеющего форму фундаментализма, и можно сказать, что это происходит в различных частях света. В этом смысле слова фундаментализм представляет собой пароль для доступа в иной мир, наполненный секретами и символами, доктринами и ритуалами, транслирующими их стратегию социального и политического действия; фундаменталисты не чужаются использовать насилие, освященное теми, кто считает, что цель — вера и отечество — оправдывает средства.

Социология религии подтверждает смену парадигмы в развитии религии в мире в конце XX – начале XXI века: старая парадигма секуляризации оказывается

под огнем критики, она уже не доминирует в мире, и предлагаются новые [Poulson, 2010]. В то же время ученые подвергают сомнению принятый концептуальный аппарат изучения религии, сформировавшийся в XIX–XX столетиях, поскольку он перестает быть адекватным реальности в анализе социальных и культурных изменений, имеющих место в различных уголках мира. Одним из самых интересных эффектов деконструкции концептуального аппарата и методов в философии религии и религиоведении является осознание факта: то, что мы привыкли называть религией, проявляется и заполняет собой совсем другие области общественной жизни. Поэтому для изучения реальных процессов становления и развития фундаментализма следует не ограничивать свой предмет узкой сферой религиозного, но включать сюда всю общественную жизнь во всех ее проявлениях, а также индивидуальное мировоззрение и мировосприятие. Также необходима разработка лучшего набора инструментов для понимания, объяснения и предсказания социальных процессов, в которых профанное все чаще встречается с натиском воскрешенного сакрального, а религиозные смыслы возвращаются в публичное общественно-политическое пространство. Причем процесс происходит как в нижних стратах общества, так и в элитах. Фундаментализм не представляет собой единого целого, это множество, являющееся общественно-политическим выражением религиозного нарратива, который заполнил идейную и ценностную пустоту, оставленную великими идеологиями XIX и XX веков. Религиозный фундаментализм и национализм в этом плане могут быть не только конкурентами за идентичность, но и составлять порой причудливый симбиоз, образуя идеологию, требующую возврата к «изначальной чистоте» нации и догматов веры, даже если этой чистоты, как и нации, в домодерновый период не существовало.

Список источников / References

1. Brass, P. R. (2005). *The Production of Hindu-Muslim Violence in Contemporary India*. Seattle: University of Washington Press. 500 p.
2. Beyer, P. (2011). Religious Pluralization and Intimations of a Post-Westphalian Condition in a Global Society. *Annual Review of the Sociology of Religion*, 2, 3–29.
3. Douglas, M. (1984). *Purity and Danger. An Analysis of the Concepts of Pollution and Taboo*. New York: Routledge. 194 p.
4. Eisenstadt, S. N. (1999). *Fundamentalism, Sectarianism and Revolution: The Jacobin Dimension of Modernity*. Cambridge: Cambridge University Press. 294 p.
5. Fernandes, W. (1981). *Caste and Conversion Movement in India: Religion and Human Rights*. New Delhi: Indian Social Institute. 38 p.
6. Heilman, S., & Friedman, M. (2010). *The Rebbe. The Life and Afterlife of Menachem Mendel Schneerson*. Princeton: Princeton University Press. 368 p.
7. Jaffrelot, C. (2007). *Hindu Nationalism. A Reader*. Princeton: Princeton University Press. 424 p.
8. Jones, R. N. B. (2015). *Sinhala Buddhist Nationalism and Islamophobia in Contemporary Sri Lanka*. Honors Theses. 152 p.

9. Iannaccone, L. R. (1997). Toward an Economic Theory of Fundamentalism. *Journal of Institutional and Theoretical Economics*, 153, 1, 100–116.
10. Lawrence, B. B. (1995). *Defenders of God: The Fundamentalist Revolt Against the Modern Age*. University of South Carolina Press. 340 p.
11. Meyer, T. (1994). *Fundamentalismus, Aufstand gegen die Moderne*. Hamburg: Rowohlt Tb.. 212 p.
12. Pace, E. (2007). Extreme Messianism: the Chabad Movement and the Impasse of the Charisma. *Horizontes Antropológicos*, 13(27), 37–48. <https://doi.org/10.1590/S0104-71832007000100003>
13. Pace, E. (2017). Sacralizing the Secular. The Ethno-fundamentalist movements. *Política & Sociedad*, 16, 36, 403–427. <https://doi.org/10.5007/2175-7984.2017v16n36p403>
14. Poulson, S., & Campbell, C. (2010). Isomorphism, Institutional Parochialism, and the Sociology of Religion. *American Sociologist*, 4, 1, 31–47.
15. Rosati, M. (2009). *Ritual and the Sacred: A Neo-Durkheimian Analysis of Politics, Religion and the Self*. Routledge. 180 p.
16. Silva de, C. R. (1988). The Plurality of Buddhist Fundamentalism. In Bartholomew, T. J., & Silva de, C. R. *Buddhist Fundamentalism and Minority Identities in Sri Lanka* (pp. 57–73). New York: State University of New York Press.
17. Sen, A. (2006). *Identity and Violence: The Illusion of Destiny*. New York: W.W. Norton & Company. 240 p.
18. Seneviratne, H. L. (1999). *The Word of Kings: The New Buddhism in Sri Lanka*. Chicago: University of Chicago Press. 368 p.
19. Tambiah, S. J. (1977). *World Conqueror and World Renouncer: a Study of Buddhism and Polity in Thailand against a Historical Background*. Cambridge: Cambridge University Press. 557 p.
20. Wibisono, S., Louis, W., & Jetten, J. (2019). The Role of Religious Fundamentalism in the Intersection of National and Religious Identities. *Journal of Pacific Rim Psychology*, 13, 1–12. <https://doi.org/10.1017/prp.2018.25>

Информация об авторе / Information about the author:

Волобуев Алексей Викторович — кандидат философских наук, доцент, доцент департамента социологии, истории и философии, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия.

Volobuev Alexey Viktorovich — PhD (Philosophy), Associate Professor, Associate Professor of the Sociology Department, Financial University under the Government of Russian Federation, Moscow, Russia.

avvolobuev@fa.ru

Научно-теоретическая статья

УДК 378.141

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.46.2.6

**ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ
В ЦЕННОСТНОМ ВОСПРИЯТИИ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНТА
(ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
ДОСУГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ)**

Казенина А. А.

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,
kazeninaa@mgpu.ru

Сахарова М. В.

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,
sakharovamv@mgpu.ru

Аннотация. Авторами статьи поднимается значимая для дальнейшего развития российского общества проблема сохранения сложившихся в ходе многовековой отечественной истории культурных традиций и ценностей в сознании молодежи. В качестве представителей молодого поколения рассматривается студенчество как особая социальная страта, обладающая активной жизненной позицией, интеллектуальными способностями и творческими возможностями. В статье представлен анализ условий и предпосылок появления диссонанса между традициями и новациями в российском обществе, его влияния на становление мировоззрения молодого поколения, качество процессов идентификации молодежи с социокультурной средой и ее включенности в общественную жизнь. Рассмотрение возможностей современного образования в части развития гражданского самоопределения и культурной идентичности студентов детализируется авторами статьи на примере осуществления воспитательной деятельности в высшей школе. В качестве примера педагогической

практики приводится организация исследования государственного праздника как мероприятия развивающей, культурно-просветительской, патриотической и исследовательской направленности. В статье представлено краткое содержание инициативного студенческого исследования, выводы и рекомендации студентов по совершенствованию подходов к организации и проведению государственных праздников. Воспитательный потенциал праздника рассматривается в контексте его возможностей в трансляции социального знания, сохранении национальных традиций и зарождении новых ценностей на основе имеющегося исторического и культурного опыта.

Ключевые слова: ценности, традиции, новации, воспитательный потенциал, исторический опыт

Для цитирования: Казенина А. А., Сахарова М. В. Традиции и новации в ценностном восприятии деятельности современного студента (воспитательный потенциал досуговой деятельности) // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2023. № 2 (46). С. 68–75. DOI: 10.25688/2078-9238.2023.46.2.6

Scientific and theoretical article

UDC 378.141

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.46.2.6

**TRADITIONS AND INNOVATIONS
IN THE VALUE PERCEPTION
OF THE MODERN STUDENT'S ACTIVITY
(EDUCATIONAL POTENTIAL OF LEISURE ACTIVITIES)**

Anna A. Kazenina

Moscow City University,
Moscow, Russia,
kazeninaa@mgpu.ru

Maria V. Sakharova

Moscow City University,
Moscow, Russia,
sakharovamv@mgpu.ru

Abstract. The authors of the article raise the problem of preserving cultural traditions and values that have developed in the course of centuries-old Russian history in the minds of young people, which is significant for the further development of Russian society. As representatives of the younger generation, the article considers students as a special social stratum with an active life position, intellectual abilities and creative abilities. The article presents a problematic analysis of the conditions and prerequisites for the emergence of dissonance between traditions and innovations in Russian society, its impact on the formation of the worldview of the younger generation, the quality of the processes of identification

of youth with the socio-cultural environment and its involvement in public life. Consideration of the possibilities of modern education in terms of the development of civil self-determination and cultural identity of students is detailed by the authors of the article on the example of educational activities in higher education. As an example of pedagogical practice, the organization of the study of the state holiday as an event of a developing, cultural, educational, patriotic and research orientation is given. The article presents a summary of the initiative student research, conclusions and recommendations of students on improving approaches to the organization and conduct of public holidays. The educational potential of the holiday is considered in the context of its possibilities in the transmission of social knowledge, the preservation of national traditions and the emergence of new values based on existing historical and cultural experience.

Keywords: values, traditions, innovations, educational potential, historical experience

For citation: Kazenina, A. A., & Sakharova, M. V. (2023). Traditions and innovations in the value perception of the modern student's activity (educational potential of leisure activities). *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 2 (46), 68–75. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2023.46.2.6>

Введение

Современное общество, вступая в эпоху глобальных перемен, поставило себя перед выбором направления и возможностей своего дальнейшего развития. Этот период характеризуется пересмотром и трансформацией ценностей и смыслов как фундаментальных основ построения всех сфер деятельности общества, организации жизни отдельного человека. Для российского общества, не раз переживающего в течение XX–XXI веков смену моделей государственного устройства, в сложившихся политических, экономических и социокультурных условиях чрезвычайно важно сохранить многовековую историю и уникальный культурный код для последующих поколений, что в сочетании с новациями, продиктованными научно-техническим и технологическим развитием, обеспечит устойчивость страны на мировой арене.

Постановка проблемы

Студенчество как особая социальная группа, инициативная и образованная, является движущей силой, способной к преобразованию окружающей социокультурной среды, активно участвующей в процессах становления обновленного общества. Высшее образование выполняет функции системообразующего социального института, создающего условия для реализации интеллектуального и творческого потенциала молодого поколения. Эффективность деятельности образовательных организаций высшего образования оценивается и по качеству профессиональной подготовки выпускников, и по сформированности общекультурных, социальных компетенций и гражданской позиции.

Методология исследования

При проведении исследования использованы методы проблемного анализа, а также методы, разработанные педагогикой и философией образования.

Результаты исследования

В переходные периоды развития общества успешность решения стратегически важных задач находится в прямой зависимости от готовности молодого поколения к участию в социально значимых процессах. В этом смысле студенчество одновременно выполняет роль и объекта воздействия, и активно действующего субъекта. Это возлагает особую ответственность на образовательные организации высшего образования в части создания условий для обеспечения качества как профессиональной подготовки обучающихся, так и развития у них активной гражданской позиции, осознанного принятия императивов российского социума, сформированных на исторически сложившихся традициях и культурных ценностях. Соответствующие задачи ставятся перед системой образования в Федеральном Законе от 30 декабря 2020 года № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» и Законе города Москвы от 30 сентября 2009 года № 39 «О молодежи» (с изменениями на 10 июня 2020 года), а именно задача необходимости применения ресурсов образовательных организаций в целях обеспечения включенности молодого поколения в социокультурную, экономическую и политическую жизнь российского общества, устранения негативных явлений в молодежной среде [Хейзинга, 2010; *Закон города Москвы...*, 2020].

Современные студенты и их родители, которые в большинстве своем относятся к поколению 90-х годов, воспитаны на синтезе традиционных отечественных ценностей и новаций, представленных так называемыми западными идеалами и канонами, духовная составляющая которых вызывала вопросы уже в середине XX века у представителей европейской философии и культурологии. Рассматривая западное общество 30–40-х годов прошлого столетия, нидерландский культуролог Й. Хейзинга характеризует его состояние понятием «плетора» (термин заимствован им из древней медицины). Отмечая возросшую в связи с техническим совершенствованием комфортность жизни, ее безопасность, доступность удовольствий, акцентирует внимание на изменениях в понимании человеком ценности жизни, критерием которой становится ее удобность и надежность (безопасность) [Хейзинга, 2010, с. 73]. Но такое состояние социального сознания не может быть постоянным, появляются условия и предпосылки, когда общество начинает нуждаться в кардинальном обновлении, а человек — в пересмотре ценностей и смыслов, изменении и трансформации устоявшихся социокультурных форм, что можно выразить «при помощи древнеримской формулы *regum novarum cupiditas*, жаждающие новых вещей» [Хейзинга, 2010, с. 337].

В этом смысле вопрос ценностного восприятия молодежью действительности, понимания необходимости своего непосредственного участия в обновлении окружающей среды приобретает сегодня особую значимость. В определенном студентами рейтинге ценностей на первых позициях представлены те из них, которые отражают успешность и индивидуальные блага, ориентированные в основном на материальную составляющую, что вступает в противоречие с исторически сложившимися в российском обществе представлениями и ценностной логикой, построенной прежде всего на приоритете духовности, коллективизма (соборности), особом культурном коде и идеологии. Данный факт можно рассматривать как результат многолетнего воздействия на молодого человека целевых установок, транслируемых семьей, социальными институтами и обществом. Противодействие этому может оказать только наличие «свободного мышления и самосознания человека, которое не было бы подчинено так называемому морализаторству со стороны общества» [Казенина, 2019, с. 83].

В определенной степени решению данной проблемы способствует применение при организации образовательного процесса в высшей школе педагогических практик, направленных на формирование «компетентности обучающихся, имеющей интегративный характер и включающей в себя интеллектуальную, деятельностную, ценностную и личностную составляющие» [Казенина, 2016, с. 95]. Причем данные интегративные компетенции во многом базируются на формировании мягких навыков и их формирование требует системного подхода [Сахарова, 2021, с. 556]. И если обучающий компонент образования предельно стандартизирован и ограничен нормативно-правовыми требованиями, то воспитательная деятельность, несмотря на обязательность, предусмотренную законодательством в сфере образования, носит творческий характер, что проявляется и в ее содержании, и в применяемых технологиях.

Важным условием состоятельности процесса воспитания является добровольность участия студентов в мероприятиях и событиях, их заинтересованность и удовлетворенность от результата.

Воспитательная работа показывает высокий уровень эффективности при реализации мероприятий и событий в формате досуговой деятельности, имеющей культурно-просветительскую, патриотическую и исследовательскую направленность. Одним из примеров подобного рода мероприятия является государственный праздник, но, рассматривая его в качестве воспитательного ресурса, следует заметить, что отмечаемые исторические и (или) памятные для государства события не всегда понятны современной молодежи и поэтому могут восприниматься формально. Для формирования у студентов устойчивого интереса к культурным традициям и исторической памяти, заложенным в празднике, важна не столько репродуктивная трансляция преподавателем имеющихся знаний, сколько создание условий и предпосылок для проведения инициативных самостоятельных исследований обучающихся по данной проблеме.

В рамках изучения социологии ценностно-нормативных систем студентами социологического направления подготовки Московского городского педагогического университета проведено исследование «Отношение ко Дню народного

единства как к празднику» (форма проведения — опрос). Вопросы сформулированы обучающимися исходя из собственных знаниевых дефицитов и были адресованы разным возрастным категориям (от 18 лет и старше). Цель исследования состояла в выявлении понимания респондентами сущности народного единства и оценки степени его наличия в современном российском обществе, анализе отношения к государственному празднику в целом и востребованности в нем в контексте значимой социальной практики. Результаты исследования студенты отразили в следующих выводах:

- народное единство проявляется прежде всего в объединении жителей страны в трудные минуты и мирном существовании наций между собой, а также во взаимопомощи;
- для абсолютного большинства респондентов государственный праздник является формальным и воспринимается как еще один выходной день;
- необходима популяризация государственных праздников, разработка новой концепции их проведения, совершенствование применяемых форм организации;
- предварительная подготовка к проведению праздника и его содержание должны быть ориентированы на восполнение пробелов населения в знаниях истории возникновения праздника и почитаемых в нем традиций и ценностей.

Подготовка материалов исследования и его проведение, взаимодействие с респондентами и обсуждение полученных результатов позволило студентам совершенствовать свои исследовательские, коммуникативные навыки, на конкретном примере не только повысить собственный уровень знаний отечественной истории, но и способствовать развитию исследовательского интереса у опрашиваемых. В предложенных рекомендациях по совершенствованию организации государственных праздников студентами не отрицается их значимость в формировании гражданской позиции и культурной идентичности молодежи. Тем не менее ими отмечается тенденция снижения воспитательной и культурно-просветительской функций праздника, обусловленная сменой смысловой и ценностной парадигмы в российском обществе, начавшейся в 90-е годы прошлого столетия, предпринимается попытка поиска возможных путей возвращения к традиционным ценностям как к гарантам единения общества.

Заключение

В целом разрешение дилеммы «традиции – новации» в сознании современной молодежи является стратегически важной задачей для развития страны. Студенчество, обладающее большим интеллектуальным и творческим потенциалом, стремящееся к свободе и переменам, является той движущей силой, которая выведет российское общество из состояния «духовной растерянности» [Гайденок, 2001, с. 7] и запустит механизм преобразований, обеспечивающий, с одной стороны, сохранение исторически сложившихся национальных традиций и ценностей, а с другой стороны, гармоничное сочетание с построенными на их основе новациями.

Список источников

1. Закон города Москвы от 30 сентября 2009 года № 39 «О молодежи» (с изменениями на 10 июня 2020 года) [Электронный ресурс] // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/3714389>
2. Федеральный Закон от 30 декабря 2020 года № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальное интернет-представительство президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328>
3. Гайденко П. П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 472 с.
4. Казенина А. А. Роль современного российского гуманитарного образования в преодолении социокультурного кризиса // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2019. № 4 (32). С. 82–86.
5. Казенина А. А. Формирование общекультурной и исследовательской компетентности обучающихся в рамках модернизации педагогического образования // Модернизация педагогического образования как основа достижения высокого стандарта качества подготовки современных педагогов. М.: МГПУ, 2016. С. 95–96.
6. Сахарова М. В. Креативность, критическое мышление и коммуникация в роли лоцмана в современном цифровом пространстве // Современное социально-гуманитарное образование: векторы развития в год науки и технологий: мат-лы VI Междунар. конф. Московский педагогический государственный университет, Ин-т социально-гуманитарного образования. М.: МПГУ, 2021. С. 551–558.
7. Хейзинга Й. Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемненный мир: эссе / сост., пер. с нидерл. и предисл. Д. Сильвестрова. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. 456 с.

References

1. *Oficial'noe internet-predstavitel'stvo prezidenta Rossii* [Official Internet representation of the President of Russia] (2020, December 30). Federal'nyj Zakon ot 30 dekabrya 2020 g. № 489-FZ «O molodezhnoj politike v Rossijskoj Federacii» [Federal Law of December 30, 2020, No. 489-FZ “On Youth Policy in the Russian Federation”]. Retrieved from <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328>
2. *E'lektronnyj fond normativno-texnicheskoj i normativno-pravovoj informacii Konсорциума «Кодекс»* [Electronic fund of regulatory, technical and regulatory information of the Consortium “Codex”] (2009, September 30). Zakon goroda Moskvy ot 30 sentyabrya 2009 g. № 39 “O molodezhi” (s izmeneniyami na 10 iyunya 2020 g.) [Law of the City of Moscow dated September 30, 2009 No. 39 “On Youth” (as amended on June 10, 2020)]. Retrieved from <https://docs.cntd.ru/document/3714389> (In Russian).
3. Gajdenko, P. P. (2001). Vladimir Solov'ev i filosofiya Serebryanogo veka [Vladimir Solovyov and the Philosophy of the Silver Age]. Moscow: Progress-Tradicija. 472 p. (In Russian).
4. Kazenina, A. A. (2019). Rol' sovremennogo rossijskogo gumanitarnogo obrazovaniya v preodolenii sociokul'turnogo krizisa [The Role of Modern Russian Humanitarian Education in Overcoming the Socio-Cultural Crisis]. *Vestnik MGPU. Series “Philosophical Sciences”*, 4(32), 82–86. (In Russian).
5. Kazenina, A. A. (2016). Formirovanie obshchekul'turnoj i issledovatel'skoj kompetentnosti obuchayushchihся v ramkah modernizacii pedagogicheskogo obrazovaniya [Formation of General Cultural and Research Competence of Students in the Framework

of Modernization of Pedagogical Education]. In *Modernizaciya pedagogicheskogo obrazovaniya kak osnova dostizheniya vysokogo standarta kachestva podgotovki sovremennyh pedagogov* [Modernization of Pedagogical Education as a Basis for Achieving a High Quality Standard in the Training of Modern Teachers] (pp. 95–96). Moscow: Moscow City University. (In Russian).

6. Saharova, M. V. (2021). Kreativnost', kritichestкое myshlenie i kommunikaciya v roli lochmana v sovremennom cifrovom prostranstve [Creativity, critical thinking and communication as a pilot in today's digital space]. In *Sovremennoe social'no-gumanitarnoe obrazovanie: vektory razvitiya v god nauki i tekhnologij* [Modern social and humanitarian education: vectors of development in the year of science and technology]. Materials of the VI International conference. Moscow Pedagogical State University, Institute of Social and Humanitarian Education (pp. 551–558). Moscow: Moscow City University. (In Russian).

7. Hejzinga, J. (2010). *Teni zavtrashnego dnya. Chelovek i kul'tura. Zatemnennyj mir: esse* [Shadows of tomorrow. Man and culture. Darkened World: Essay] (compiled, translated from Dutch and preface by D. Silvestrov). St. Peterburg: Publisher Ivan Limbah. 456 p. (In Russian).

Информация об авторах / Information about the authors:

Казенина Анна Анатольевна — кандидат философских наук, доцент общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет.

Москва, Россия,
kazeninaa@mgpu.ru

Kazenina Anna Anatolyevna — PhD (Philosophy), Associate Professor of the All-University Department of Philosophy and Social Sciences of the Institute of Humanities, Moscow City University.

Moscow, Russia,
kazeninaa@mgpu.ru

Сахарова Мария Викторовна — кандидат философских наук, доцент общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет.

Москва, Россия,
sakharovamv@mgpu.ru

Sakharova Maria Viktorovna — PhD (Philosophy), Associate Professor of the All-University Department of Philosophy and Social Sciences of the Institute of Humanities, Moscow City University.

Moscow, Russia,
sakharovamv@mgpu.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Аналитическая статья

УДК 101.1:316

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.46.2.7

МИГРАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ИЗ СОЦИАЛЬНОГО ЯВЛЕНИЯ В СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ

Табасаранский Р. С.

Российский государственный социальный университет,
Москва, Россия,

tabasaranskiys@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7063-2973>

Аннотация. В статье рассматривается необходимость применения новых подходов к изучению проблем миграции в мире. Стабильный рост миграционных потоков и устойчивость причин для массового перемещения людей позволяют рассматривать процесс миграции не только как социальное явление, но и как социальный институт. Такой подход открывает возможность более качественного анализа проблем миграции в условиях, когда старые идеологические обоснования глобализации испытывают серьезную трансформацию. Рассмотрение миграции как социального института отвечает тенденциям формирования многополярного мира. Институционализация миграции становится ответом на многочисленные вызовы современности, такие как природные катаклизмы, пандемии, войны. Определяющее значение при этом приобретает проблема диалога культур, способствующего процессам интеграции, предупреждающего эскалацию различных видов конфликтов, в целом гармонизирующего социальные отношения. В данной статье, на базе опыта фундаментальных и прикладных исследований феномена миграции, предпринимается попытка раскрыть существенные аспекты этого явления, в особенности сосредоточив внимание на механизмах превращения миграции в социальный институт.

Ключевые слова: миграция, социальный институт, глобализация, диаспора, диалог культур

Для цитирования: Табасаранский Р. С. Миграция в современном мире: трансформация из социального явления в социальный институт // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2023. № 2 (46). С. 76–89. DOI: 10.25688/2078-9238.2023.46.2.7

Analytical article

UDC 101.1:316

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.46.2.7

**MIGRATION IN THE MODERN WORLD:
TRANSFORMATION FROM A SOCIAL PHENOMENON
INTO A SOCIAL INSTITUTION**

Rufat S. Tabasaranskiy

Russian State Social University,

Moscow, Russia,

tabasaranskiyrs@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7063-2973>

Abstract. The article discusses the need for new approaches to the study of migration problems in the world. The steady growth of migration flows and the stability of the reasons for the mass movement of people allow us to consider the migration process not only as a social phenomenon, but also as a social institution. Such an approach is able to provide a qualitative analysis of migration problems in new conditions, when the old ideological justifications of globalization are undergoing a serious transformation. Considering migration as a social institution corresponds to the trends of the formation of a multipolar world. The institutionalization of migration is becoming a response to the numerous challenges of our time, such as natural disasters, pandemics, and wars. In this case, the problem of the dialogue of cultures, which contributes to the processes of integration, prevents the escalation of various types of conflicts, and generally harmonizes social relations, becomes of decisive importance. In this article, based on the experience of fundamental and applied research on the phenomenon of migration, an attempt is made to reveal the essential aspects of this phenomenon, in particular focusing on the mechanisms of transformation of migration into a social institution.

Keywords: migration, social institution, globalization, diaspora, dialogue of cultures

For citation: Tabasaranskiy, R. S. (2023). Migration in the modern world: transformation from a social phenomenon into a social institution. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 2 (46), 76–89. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2023.46.2.7>

Введение

Массовая миграция людей по всему миру связана с текущими тенденциями глобализации. Однако сами идеологические обоснования глобализации, как и объективная практика этого процесса, в современном мире находятся под постоянным изменением. В свою очередь, это влияет и на миграцию в целом. Основные особенности современной

глобализации определяются такими факторами, как рост социального неравенства внутри стран и между государствами, нарастание тенденций к образованию многополярного мира с несколькими глобальными лидерами и рост противостояния между ними в информационном поле. В свою очередь, это провоцирует усугубление конфликта ценностей разных народов и культур.

Эти факторы неизбежно ведут к необходимости нового понимания процессов миграции на планете и формулированию новой парадигмы миграционных процессов, которую можно охарактеризовать как постглобализационную.

Безусловно, свой вклад в миграционные потоки осуществляют новые технологии, переход к новым технологическим укладам и другим моделям энергетического обеспечения потребностей человечества.

Немаловажным фактором стало и глобальное изменение климата, заставляющее огромные массы людей не просто искать лучшей жизни в других точках мира, но покидать родные места проживания, спасаясь от голода, засухи, наводнений, похолодания и вызванных этими явлениями вооруженных конфликтов.

При этом стоит учитывать, что помимо объективных изменений, связанных с трансформацией условий жизни социума, вмешиваются такие политические факторы, как провоцирование в разных странах цветных революций, умышленное ограничение потенциалов государств, а также иные спланированные экономические и политические кризисы.

Все эти причины роста миграции постоянно воспроизводятся в мире и усугубляют существующие проблемы. Для понимания процессов массовой миграции на нынешнем витке общественного развития, требуются совершенно новые подходы к изучению процессов миграции. Одно из направлений этого — восприятие миграции не только как социального явления, но и как социального института с характерными для него собственными организационными структурами, целями, морально-нравственными установками.

Постановка проблемы

По данным Отдела народонаселения ООН [*Основные показатели международной миграции...*, 2021], в 2000 году в мире насчитывалось 171 миллион человек, живущих за пределами своей родной страны. В 2010-м — этот показатель вырос до 221 миллиона, а по итогам 2020-го уже 281 миллион человек жили в государствах, в которых не родились. Налицо увеличение не только числа переселенцев, но и постоянно возрастающая динамика процесса массовой миграции.

При этом наиболее негативным фактором можно считать постоянное увеличение числа тех, кто вынужден покидать свои привычные места обитания, спасаясь от войн, репрессий и других преследований. В 2000 году таких

людей было 17 миллионов человек, в 2010-м — уже 34 миллиона. И если в 2020 и 2021 годах общее число мигрантов сокращалось из-за введенных ограничений в связи с пандемией коронавируса COVID-19, то количество беженцев, спасающихся от войн, репрессий и преследований увеличивалось. В 2021 году такая вынужденная миграция достигла исторического рекорда, составив 84 миллиона человек [Итоги 2021 года..., 2021]. Наиболее пострадавшими от всплесков насилия странами оказались районы в Центрально-Африканской Республике, суданском Дарфуре, восточных регионах Демократической Республики Конго, Афганистане. Более миллиона человек покинули свои дома в Мексике и странах Центральной Америки из-за войн наркокартелей и разгула преступности.

Рост числа мигрантов в мире обуславливает и увеличение роли миграции в экономическом развитии стран. По интерактивным данным МОМ [World Migration Report, 2022] за 2022 год, денежные переводы трудовых мигрантов в Индию с 2010 по 2020 год выросли с 53,5 млрд долл. до 83,2 млрд долл., в Мексику — с 22,1 млрд долл. до 42,9 млрд долл. Одновременно переводы из США выросли с 50,5 млрд долл. до 68 млрд долл., а из Германии — с 14,7 млрд долл. до 22 млрд долл.

Усугубление экономических проблем, рост социального неравенства по всему миру приводит, в свою очередь, к увеличению эксплуатации женщин и детей. Наиболее распространенными в этом плане явлениями стали сексуальная эксплуатация, принудительные браки и даже изъятие органов. От последнего фактора страдают прежде всего женщины.

По различным данным, только в Лондоне было выявлено свыше тысячи «домашних рабов» [Leathly, 1996]. При этом попытки решить проблему только усугубляют ее. В 2016 году правительство Великобритании подверглось критике из-за прекращения выдачи виз для иностранной домашней прислуги, что еще больше ухудшило ситуацию для тех, кто уже находится в стране. Отсутствие контроля и регулирования этой практики затруднило точную оценку масштабов проблемы [Non-standart employment around the world..., 2016].

Согласно выводам экспертов МОМ, торговля людьми остается важной проблемой как для развитых стран Европы, так и для развивающихся государств на других континентах. В Старом Свете преобладающими случаями (около 56 %) торговли людьми является покупка живого товара для сексуальной эксплуатации [World Migration Report, 2022].

Неустроенность на новом месте, проблемы с легализацией, разница культур между мигрантами и коренным населением страны пребывания обуславливают широкое вовлечение мигрантов, особенно детей и подростков, в различного рода экстремистские организации, часто псевдорелигиозного толка. Неизбежно происходит процесс объединения мигрантов по этническому признаку и признаку места происхождения.

Однако постоянный рост миграции показывает, что прежние подходы к интеграции прибывших мигрантов не работают. Мигранты пытаются не просто

сохранить свою культурную идентичность, но и агрессивно навязать ее окружающим.

Нерациональность применения прежних подходов к миграции наглядно проявилась на примере законодательства европейских государств, где долгое время даже отсутствовала особая ответственность за терроризм [*Зарубежное законодательство в борьбе с терроризмом*, 2002].

Рост числа мигрантов в развитых странах также негативно сказывается в целом на рынке труда. За счет большого притока рабочей силы замедляется рост заработной платы легальных сотрудников предприятий, в том числе и коренных жителей. Увеличивая предложение рабочей силы, миграция оказывает давление на заработную плату, причиняя вред местным работникам, по крайней мере тем, кто обладает схожим уровнем квалификации.

Процесс обесценивания труда работников ведет к образованию особого класса — прекариата, по выражению Г. Стендинга [Стендинг, 2014]. Этот класс отличается высокой маргинальностью и повышенным психологическим иждивенчеством, то есть убежденностью, что кто-то посторонний должен решать проблемы людей.

Не стоит сбрасывать со счетов и такой аспект, как использование массовой миграции в геополитических целях теми или иными государствами. Наиболее ярко это проявилось после «арабской весны» 2011 года, когда Турция стала буквально шантажировать Европейский союз и правительства государств Старого Света миллионными потоками мигрантов. Долгий, почти десятилетний период нестабильности на Ближнем Востоке позволил Анкаре сделать шантаж мигрантами долгосрочным фактором политики. В ответ государства ЕС были вынуждены рассматривать вопрос о введении ограничений на перемещение людей внутри объединения. В свою очередь, это негативным образом сказалось на экономике государств [Lanati, Venturini, 2021].

Одновременно большие потоки мигрантов многократно увеличили масштабы деятельности преступных организаций, организующих перевозку мигрантов. По сведениям управления ООН по наркотикам и преступности, только в США нелегально прибывают каждый год до 3 миллионов человек, что приносит криминалу не менее 6,6 млрд долл. [*Незаконный ввоз мигрантов...*, 2009].

Все вышеперечисленные факторы говорят о том, что для выработки решений в сфере массовой миграции уже невозможно рассматривать статически, как некое постоянное явление. Соответственно, остро встает вопрос о поиске новых подходов к изучению миграции.

Особенностью новых подходов должно быть признание таких очевидных фактов, как постоянный рост миграционных потоков, усугубление вызывающих миграцию факторов, увеличение последствий массовой миграции.

Предметом исследования в данной статье является феномен миграции в современном социальном пространстве.

Методологией выступает системный и диалектический подходы, методы дедукции, индукции, анализа и синтеза. В анализе миграции также использовался

принцип социокультурной детерминации, позволивший рассматривать феномен миграции в контексте всего спектра социальных процессов. Методологическую базу исследования составили фундаментальные и прикладные исследования по проблемам миграции, а также нынешнего состояния современного общества.

Результаты

Ряд современных исследователей в связи с этим предлагают рассматривать миграцию не просто как некое социальное явление, а как социальный институт, со своими принципами работы, своей экономикой и своими моральными ориентирами [Strik, 2021].

Новая философская энциклопедия дает следующее определение социального института: «1) социальное установление как комплекс самых общих социальных (политических, правовых, моральных, религиозных и т. п.) норм, правил и принципов, культурных образцов, привычек, типов мышления и моделей поведения, определяющих сущность и устойчивость социальных явлений, обуславливающих и регулирующих социальные отношения, деятельность человека в различных областях ее приложения; 2) социальное образование, или учреждение — социальная единица надиндивидуального уровня, организация, выступающая субъектом социальных отношений и действий» [*Новая философская энциклопедия*, 2010].

Исходя из такого определения, можно вкратце сделать вывод, что институт предполагает наличие некоей организационной структуры, пусть и неформальной, набора ценностных ориентиров и существование социальной проблемы [de Naas, 2021]. С этой точки зрения есть все основания говорить о явлении миграции как о самостоятельном социальном институте.

Сложно отрицать, что социальная проблема миграции существует и становится все более значимым фактором в экономике, политике и геополитике. Некоторое время назад миграция воспринималась как во многом спонтанный процесс, который возникал как следствие отдельных эпизодических событий, как революции, засухи, войны и так далее. Однако сейчас видно, что все факторы, приводящие к возникновению больших миграционных потоков, постоянно воспроизводятся. Увеличение числа мигрантов в мире свидетельствует о том, что процессы миграции в ближайшее время смогут заметно снизиться. Глобальные изменения климата, разрыв между богатыми и бедными, социальное неравенство, связанные со столкновением культур проблемы только нарастают.

В свою очередь, все более злободневной становится проблема встраивания мигрантов в имеющиеся социальные структуры в странах пребывания, а также столкновения разных ментальностей у прибывающих людей и коренных жителей.

При этом плохо работают те модели ассимиляции мигрантов, которые работали ранее. В современных условиях при нынешних масштабах миграции и трансформаций социальной жизни идеи плавильного котла и мультикультурализма показывают свою нежизнеспособность. Ведь плавильный котел изначально предполагает растворение меньшинств в культуре большинства и их постепенное исчезновение с культурного поля. В условиях нарастания миграционных потоков способность принимающего общества к ассимиляции со временем заметно ослабевает.

В то же время политика мультикультурализма предполагает, что на одной территории могут мирно сосуществовать разные традиции и культуры. Однако разница в образовании, культурных традициях, социальном положении между коренными жителями развитых стран и прибывающими мигрантами из развивающихся государств настолько велика, что сохранение культурного многообразия грозит полным развалом общества принимающей стороны.

Проблему представляет и принятие мигрантами новой идентичности, так как всегда есть риск утери вообще всяких корней. Как замечает З. Бауман, проблема идентичности ныне «состоит не только в том, как обрести избранную идентичность и заставить окружающих признать ее, сколько в том, какую идентичность выбрать и как суметь вовремя сделать другой выбор, если ранее избранная идентичность потеряла ценность» [Бауман, 2002, с. 185].

Поэтому в современном мире есть смысл говорить не об использовании старых методик ассимиляции мигрантов как плавильный котел и мультикультурализм, но о новом формате взаимодействия между людьми — выстраивании диалога культур. Диалог, в свою очередь, предполагает «общение с культурой, реализация и воспроизведение ее достижений, обнаружение и понимание ценностей других культур» [Baptiste, Ross Gooden, 2021].

Основная особенность диалога культур как равноправного общения позволяет осуществить главное: дать человеку понимание места своей культуры и своей идентичности в современном мире. Это позволит разным народам не просто сосуществовать, а эффективно взаимодействовать друг с другом. Причем основной движущей силой такой межкультурной коммуникации должно быть стремление людей адаптироваться к окружающей реальности, к многообразию мира. Так, в частности, определяли авторы самого понятия «межкультурная коммуникация» Г. Трейгер и Э. Холл в работе «Культура и коммуникация. Модель анализа» [Trager, Hall, 1954].

По мнению М. Эпштейна, также можно говорить о формировании транскультуры, определяемой как «состояние виртуальной принадлежности одного индивида многим культурам» [Berry, Epstein, 1999]. Такой транскультурный индивид находится «на выходе из своей культуры и на перекрестке с чужими».

Социальную транскультурность при этом еще предстоит сформировать. Этот процесс может идти более успешно у отдельных индивидов. Однако с точки зрения образования больших социумов, человечество находится только в самом начале большого пути. При этом пространства пересечения разных

культур представляются как находящиеся в самом нестабильном состоянии. Существование на подобной территории характеризуется сложным переплетением разных идентичностей (этнических, социальных, региональных, профессиональных), их общностью и различием исторических судеб, разновекторностью ценностных ориентаций.

В такой системе диалога культур многообразии социокультурных явлений должно рассматриваться как взаимодействие разнообразных социокультурных типов. При этом определенную сложность представляет выработка общепринятых понятий о пристойном внешнем виде, образе поведения в социуме. Примером успешного процесса диалога культур в современном мире можно считать идущую по пути модернизации многонациональную и многоконфессиональную Индию. По разным подсчетам, там проживает почти 1500 этносов, говорящих на разных языках, исповедующих разные религии и традиционно разделенных по принципу принадлежности к той или иной региональной культуре. Общий модернизационный проект, то есть единые цели у разных обществ в плане экономического и социального развития, позволяет, несмотря на консервативный характер общества, вовлекать все более широкие слои населения [Bates, Carter, 2021]. Использование имеющегося опыта, его изучение само по себе говорит о возможности взаимного проникновения ценностных установок из разных культур.

При этом важно осознавать, что диалог культур может происходить не только в конструктивном русле, но и в виде конфликта. Угроза конфликтных форм взаимодействия культур тем острее, чем больше разница между ценностными установками и традициями. Проблемы межкультурного диалога были четко сформулированы американским исследователем С. Хантингтоном. По его мнению, конфликты могут проходить по неким линиям разлома. Самые крупные линии конфликта могут протий между цивилизацией Запада и остальным миром [Хантингтон, 2003, с. 105]. Конфликты будут возникать как на микроуровне, где идет борьба за власть и энергоресурсы, так и на макроуровне, где сталкиваются уже разные концепции распространения влияния на мир. По мнению Хантингтона, межцивилизационные столкновения намного опаснее, чем любые межнациональные. Для преодоления глобальных проблем требуется союз хотя бы двух цивилизаций.

Некоторые исследователи считают, что более оправданно говорить не о столкновении цивилизаций, а о формировании в современных реалиях многополярного мира [Sugiharto, 2021]. То есть на планете формируется несколько крупных центров притяжения различных культур. Таким образом, существует мир с центром в России, китайский мир и другие. При этом западный мир определяется не как единый, а разнородный, состоящий из различных европейских культур.

В соответствии с этой концепцией диалог культур должен строиться не как широкая дискуссия между множеством самых разных этнических, расовых, религиозных и субкультурных образований. Диалог культур может быть более успешным, если акторами взаимодействия будут выступать несколько

глобальных центров. Но такой диалог требует формирования определенной культуры. При этом сам диалог с каждой стороны может строиться как отображение самой культуры того или иного глобального центра. И здесь на первый план выходит проблема отношения к чужой культуре, которая становится значимой характеристикой самой культуры.

Если говорить об организационных структурах социального института миграции, то большое значение продолжают сохранять различные национальные диаспоры. Диаспоры понимаются как «части народа или группы народов, расселившихся вне страны этнического происхождения» [Bunce, 2021].

Значение диаспор в современном диалоге культур может быть в адаптационном механизме для тех мигрантов, что уже окончательно оторвались от своих корней, но еще не стали своими на новом месте пребывания. Одновременно они способствуют обустройству наиболее талантливых мигрантов в стране приезда и служат проводниками для инвестиционной активности со стороны успешных мигрантов в странах исхода. К примеру, именно китайские иммигранты в странах Запада были первыми крупными инвесторами в экономику КНР после начала реформ [Dao, Docquier, Maurel, Schaus, 2021].

Наоборот, в условиях проведения политики мультикультурализма диаспоры могут стать центром замыкания в себе различных национальных культур. То есть диаспоры могут играть негативную роль заграждения, не дающего мигрантам влиться в новое общество. Таким образом, для конструктивного вхождения мигрантов в новой стране пребывания диаспора должна служить своеобразным мостом между прежними культурными установками и новыми.

Культурная самоидентификация человека — гибкий и пластичный процесс, который может идти в разные стороны. То есть самоидентификация — «трансформирующаяся структура, развивающаяся на протяжении всей жизни, проходя через преодоление кризисов, и она может изменяться в прогрессивном или регрессивном направлениях, то есть быть “успешной” (позитивной) или “негативной” (индивид отклоняет любые взаимодействия)» [Moffitt, Syed, 2021].

Диаспоральные организации также оказывают серьезное влияние на формирование образа исторической родины у мигрантов. Причем в большей степени это касается тех людей, кто родился и вырос в новой стране и имеют о месте проживания своих предков представления с чужих слов. Здесь существует опасность чрезмерной идеализации исторической родины. Еще опаснее, когда смыслом деятельности диаспоры становится «убеждение, что ее члены должны коллективно служить сохранению и восстановлению своей первоначальной родины, ее процветанию и безопасности» [Juang, Moffitt, Schachner, Reves, 2021]. Так возникает ощущение реальности, «имеющей политическую метафору разделенного народа» [Elkjaer, Iversen, 2020], что становится основой для идеологии этнонационализма.

Чтобы диаспоры становились важными и зрелыми структурами для осуществления диалога культур, важно осознавать, что «не этническая общность, а национальное государство является ключевым моментом диаспорообразования.

Диаспору объединяет и сохраняет нечто большее, чем культурная индивидуальность. Диаспора может выступать и как политический проект, реализующий особую по сравнению с этничностью миссию» [Beramendi, Stegmüller, 2020].

Диаспоры также могут играть разную роль при разрешении конфликтов, от бытовых до широкомасштабных политических. С одной стороны, диаспоры способны сами провоцировать и поддерживать противоборство. Причем не только в стране нахождения, но и на исторической родине. С другой стороны, диаспоры могут быстро улаживать различные случаи конфронтации. Могут диаспоры выступать и объектом для чужих политических манипуляций. Например, привлекаться для сбора денег в поддержку оппозиционных или провластных партий.

Одновременно диаспоры сами могут быть влиятельными субъектами политического процесса, в том числе на исторической родине. Яркий пример — поддержка сепаратистских движений тамильцев на Шри-Ланке тамильскими диаспорами, разбросанными по Европе и Северной Америке. Другой пример — работа многочисленных курдских диаспор по всему миру, помогающих курдам в Турции [Hillary, 2021]. В современном мире постепенно растет и значение так называемой мягкой силы [Скородумова, 2015].

Опыт показывает, что национальные диаспоры могут быть хорошим инструментом такого влияния на политические и социальные процессы.

Заключение

В современном мире наблюдается самый широкий спектр деятельности национальных диаспор. Многогранность подтверждает мысль, что диаспоры приобрели особенности полноценного социального института. Одновременно можно констатировать, что диаспора выполняет свои функции как социальный институт миграции.

Резюмируя, можно подчеркнуть мысль, что в современном мире миграция стала не только и не столько социальным явлением, сколько социальным институтом со всеми характерными для него признаками. Миграция в нынешних реалиях становится устойчивым образованием, регулярно воспроизводящим свою структуру и функции, поскольку комплекс проблем и потребностей в их решении в условиях кризиса глобализационного проекта и формирования многополярного мира регулярно воспроизводится. Развитие разнообразных сетевых структур мигрантов, утеря привязки мигрантов к территории делают диаспоры структурообразующими механизмами выстраивания межнациональных отношений, центрами силы и притяжения. Восприятие миграции как социального института открывает новые возможности для равноправного диалога культур и гармоничного развития больших многокультурных социумов в разных частях мира.

Список источников

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. 390 с. [Электронный ресурс]. URL: https://socioline.ru/files/5/39/bauman_zigmunt_-_individualizirovannoe_obshchestvo-2005.pdf
2. Зарубежное законодательство в борьбе с терроризмом / отв. ред. И. С. Власов. М.: Городец-издат, 2002. 144 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://sci.house/kniga-pravovedenie-sravnitelnoe-scibook/zarubejnoe-zakonodatelstvo-borbe-terrorizmom.html>
3. Итоги 2021 года: число мигрантов и беженцев в мире побило рекорд. Дата публикации: 30.12.2021. [Электронный ресурс] // Новости ООН. URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/12/1416332>
4. Незаконный ввоз мигрантов — суровый поиск лучшей жизни. Дата публикации: май 2009 [Электронный ресурс] // Управление ООН по наркотикам и преступности — UNODC. URL: https://www.unodc.org/documents/toc/factsheets/TOC12_fs_migrantsmuggling_RU_HIRES.pdf
5. Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 3. Н – С / под ред. В. С. Степина. М.: Мысль, 2010. С. 124 [Электронный ресурс]. URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/encyclopedia/new-philosophical/index.htm>
6. Основные показатели международной миграции на 2020 год. Январь 2021 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Организации Объединённых Наций. URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/imr2020_10_key_messages_ru_1.pdf
7. Скородумова О. Б. Стратегия «мягкой силы» и ее значение в современную эпоху [Электронный ресурс] // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2015. № 215 (5). С. 52–57. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23413377>
8. Стендинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем, 2014. 326 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://spkurdyumov.ru/uploads/2016/05/prekariat-novyy-opasnyj-klass.pdf>
9. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка / пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова; под общ. ред. К. Королева. М.: АСТ, 2003. 603 с. [Электронный ресурс]. URL: http://yanko.lib.ru/books/politologiya/huntington-stolk_civil-a.htm
10. Baptiste H. P. Founders Forum Report 2016–2020 / H. P. Baptiste, C. Ross Gooden // *Multicultural Perspectives*. 2021. Vol. 23 (4). P. 217–219. DOI: 10.1080/15210960.2021.1986335
11. Bates C. Trust in the Indian labour diaspora / C. Bates, M. Carter // *Journal of Migration History*. 2021. Vol. 7 (2). P. 143–169. DOI: 10.1163/23519924-00702003
12. Beramendi P. The Political Geography of the Eurocrisis / P. Beramendi, D. Stegmüller // *World Politics*. 2020. Vol. 72 (4). P. 639–678. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0043887120000118>
13. Berry E. E., Epstein M. N. *Transcultural Experiments: Russian and American Models of Creative Communication* (with Ellen Berry). N. Y.: St. Martin's Press, 1999 [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.ru/books/about/Transcultural_Experiments.html?id=ZjCteODkZVcC&redir_esc=y
14. Bunce J. A. Cultural diversity in unequal societies sustained through cross-cultural competence and identity valuation // *Humanit Soc Sci Commun*. 2021. Vol. 8 (238). DOI: 10.1057/s41599-021-00916-5

15. Dao T. H. Global migration in the twentieth and twenty-first centuries: the unstoppable force of demography / T. H. Dao, F. Docquier, M. Maurel, P. Schaus // *Review of World Economics*. 2021. Vol. 157 (2). P. 417–449. DOI: 10.1007/s10290-020-00402-1
16. de Haas H. A theory of migration: the aspirations-capabilities framework // *Comparative Migration Studies*. 2021. Vol. 9 (1). P. 2–35. DOI: 10.1186/s40878-020-00210-4
17. Elkjaer M. A. The Political Representation of Economic Interests / M. A. Elkjaer, T. Iversen // *World Politics*. 2020. Vol. 72 (2). P. 254–290. DOI: 10.1017/S0043887119000224
18. Hillary L. Down the Drain with General Principles of EU Law? The EU-Turkey Deal and 'Pseudo-Authorship' // *European Journal of Migration and Law*. 2021. Vol. 23 (2). P. 127–151. DOI: 10.1163/15718166-12340097
19. Juang L. P. Understanding Ethnic-Racial Identity in a Context Where “Race” Is Taboo / L. P. Juang, U. Moffitt, M. K. Schachner, S. Pevec // *Identity*. 2021. Vol. 21 (3). P. 185–199. DOI: 10.1080/15283488.2021.1932901
20. Lanati M. Cultural change and the migration choice / M. Lanati, A. Venturini // *Review of World Economics*. 2021. Vol. 157 (4). P. 799–852. DOI: 10.1007/s10290-021-00418-1
21. Leathly A. Party to Debate Claims That Britain Is a “Slave Haven” // *Times* (London). 1996. September 23. P. 8; Girls in the Slave Trade // *Gardian*. 26.02.1996 [Электронный ресурс]. URL: <https://migration.ucdavis.edu/mn/more.php?id=1050>
22. Moffitt U., Syed M. Ethnic-Racial Identity in Action: Structure and Content of Friends’ Conversations about Ethnicity and Race / U. Moffitt, M. Syed // *Identity*. 2021. Vol. 21 (1). P. 67–88. DOI: 10.1080/15283488.2020.1838804
23. Non-standard employment around the world: Understanding challenges, shaping prospects. International Labour Office – Geneva: ILO, 2016. [Электронный ресурс] // International Labour Organization. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_534326.pdf
24. Strik T. Fundamental Rights as the Cornerstone of Schengen // *European Journal of Migration and Law*. 2021. Vol. 23 (2). P. 508-534. DOI: 10.1163/15718166-12340116
25. Sugiharto S. De-westernizing hegemonic knowledge in global academic publishing: toward a politics of locality // *Journal of Multicultural Discourses*. 2021. Vol. 16 (4). P. 321–333. DOI: 10.1080/17447143.2021.2017442
26. Trager G., Hall E. *Culture as Communication: A Model and Analysis*. New York, 1954 [Электронный ресурс]. URL: <https://eric.ed.gov/?id=ED035325>
27. World Migration Report 2022 [Электронный ресурс] // International Organization for Migration. URL: <https://worldmigrationreport.iom.int/wmr-2022-interactive/>

References

1. Bauman, Z. (2002). *Individualizirovanoe obshchestvo [Individualized society]*. Moscow: Logos. 390 p. (In Russian). Retrieved from https://socioline.ru/files/5/39/bauman_zigmunt_-_individualizirovanoe_obshchestvo-2005.pdf
2. Vlasov, I. S. (Responsible Editor) (2002). *Zarubezhnoe zakonodatel'stvo v bor'be s terrorizmom [Foreign legislation in the fight against terrorism]*. Moscow: Gorodets-izdat. 144 p. (In Russian). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnoe-zakonodatelstvo-o-borbe-s-terrorizmom/viewer>
3. *UN News* (2021). Itogi 2021 goda: chislo migrantov i bezhencev v mire pobilo record. Data publikatsii: 30.12.2021 [Results of 2021: the number of migrants and refugees

in the world has broken a record. Date of publication: 30.12.2021]. (In Russian). Retrieved from <https://newp.un.org/en/story/2021/12/1416332>

4. UNODC (2009). *Nezakonny`j vvoz migrantov — surovy`j poisk luchshej zhizni*. Data publikatsii: maj 2009 [Smuggling of migrants is a grim search for a better life. Date of publication: May 2009]. (In Russian). Retrieved from https://www.unodc.org/documents/toc/factsheets/TOC12_fs_migrantsmuggling_RU_HIREP.pdf

5. Stepin, V. S. (2010). *Novaya filosofskaya e`nciklopediya* [New philosophical encyclopedia] (v 4 volumes, vol. 3: N – S, p. 124). Moscow: Thought. (In Russian). Retrieved from <http://philosophy.niv.ru/doc/encyclopedia/new-philosophical/index.htm>

6. *Official website of the United Nations* (2020). *Osnovny`e pokazateli mezhdunarodnoj migracii na 2020 god* [Key indicators of international migration for 2020]. (In Russian). Retrieved from https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/imr2020_10_key_messages_en_1.pdf

7. Skorodumova, O. B. (2015). *Strategiya «myagkoj sily» i ee znachenie v sovremennuyu e`poxu* [The strategy of “soft power” and its significance in the modern era]. *Scientific Bulletin of the Moscow State Technical University of Civil Aviation*, 215(5), 52–57. (In Russian). Retrieved from <https://elibrary.ru/item.asp?id=23413377>

8. Standing, G. (2014). *Prekariat: novy`j opasny`j klass* [Precariat: a new dangerous class]. Moscow: Ad Marginem. 326 p. (In Russian). Retrieved from <https://spkurdyumov.ru/uploads/2016/05/prekariat-novyj-opasnyj-klass.pdf>

9. Huntington S. (2003) *Stolknovenie civilizacij i preobrazovanie mirovogo poryadka* [The clash of civilizations and the transformation of the world order]. Moscow: AST Publishing House LLC. 105 p. (In Russian). Retrieved from [http://kyiv-heritage-guide.com/sites/default/files/ХАНТИНГТОН%20-%20Столкновение%20цивилизаций%201996\(2003\)%20603c.pdf](http://kyiv-heritage-guide.com/sites/default/files/ХАНТИНГТОН%20-%20Столкновение%20цивилизаций%201996(2003)%20603c.pdf)

10. Baptiste, H. P., & Ross, G. C. (2021). Founders Forum Report 2016–2020. *Multicultural Perspectives*, 23(4), 217–219. <https://doi.org/10.1080/15210960.2021.1986335>

11. Bates, C., & Carter, M. (2021). Trust in the Indian labour diaspora. *Journal of Migration History*, 7(2), 143–169. <https://doi.org/10.1163/23519924-00702003>

12. Beramendi, P., & Stegmueller, D. (2020). The Political Geography of the Eurocrisis. *World Politics*, 72(4), 639–678. <https://doi.org/10.1017/S0043887120000118>

13. Berry, E., & Epstein, M. (1999). *Transcultural Experiments: Russian and American Models of Creative Communication (with Ellen Berry)*. N. Y.: St. Martin’s Press. Retrieved from https://books.google.ru/books/about/Transcultural_Experiments.html?id=ZjCteODkZVcC&redir_esc=y

14. Bunce, J. A. (2021). Cultural diversity in unequal societies sustained through cross-cultural competence and identity valuation. *Humanit Soc Sci Commun*, 8 (238). <https://doi.org/10.1057/s41599-021-00916-5>

15. Dao, T. H., Docquier, F., Maurel, M., & Schaus, P. (2021) Global migration in the twentieth and twenty-first centuries: the unstoppable force of demography. *Review of World Economics*, 157(2), 417–449. <https://doi.org/10.1007/s10290-020-00402-1>

16. de Haas, H. (2021). A theory of migration: the aspirations-capabilities framework. *Comparative Migration Studies*, 9(1), 2–35. <https://doi.org/10.1186/s40878-020-00210-4>

17. Elkjaer, M. A., & Iversen, T. (2020). The Political Representation of Economic Interests. *World Politics*, 72(2), 254–290. <https://doi.org/10.1017/S0043887119000224>

18. Hillary, L. (2021). Down the Drain with General Principles of EU Law? The EU-Turkey Deal and 'Pseudo-Authorship'. *European Journal of Migration and Law*, 23(2), 127–151. <https://doi.org/10.1163/15718166-12340097>
19. Juang, L. P., Moffitt, U., Schachner, M. K., & Pevco S. (2021). Understanding Ethnic-Racial Identity in a Context Where “Race” Is Taboo. *Identity*, 21(3), 185–199. <https://doi.org/10.1080/15283488.2021.1932901>
20. Lanati, M., & Venturini, A. (2021). Cultural change and the migration choice. *Review of World Economics*, 157(4), 799–852. <https://doi.org/10.1007/s10290-021-00418-1>
21. Leathly, A. (1996). Party to Debate Claims That Britain Is a ‘Slave Haven’. *Times (London)*. September 23, 8; Girls in the Slave Trade. *Gardian*. 26.02.1996. Retrieved from <https://migration.ucdavis.edu/mn/more.php?id=1050>
22. Moffitt, U., & Syed, M. (2021). Ethnic-Racial Identity in Action: Structure and Content of Friends’ Conversations about Ethnicity and Race. *Identity*, 21(1), 67–88. <https://doi.org/10.1080/15283488.2020.1838804>
23. *International Labour Organization* (2016). Non-standart employment around the world, shaping prospects International Labour Office. Geneva: ILO. Retrieved from https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_534326.pdf
24. Strik, T. (2021). Fundamental Rights as the Cornerstone of Schengen. *European Journal of Migration and Law*, 23(2), 508–534. <https://doi.org/10.1163/15718166-12340116>
25. Sugiharto, S. (2021). De-westernizing hegemonic knowledge in global academic publishing: toward a politics of locality. *Journal of Multicultural Discourses*, 16(4), 321–333. <https://doi.org/10.1080/17447143.2021.2017442>
26. Trager, G., & Hall, E. (1954). *Culture as Communication: A Model and Analysis*. New York. Retrieved from <https://eric.ed.gov/?id=ED035325>
27. *International Organization for Migration* (2022). World Migration. Report 2022. Retrieved from <https://worldmigrationreport.iom.int/wmr-2022-interactive/>

Информация об авторе / Information about the author:

Руфат Сергеевич Табасаранский — аспирант кафедры гуманитарных дисциплин, Российский государственный социальный университет, Москва, Россия.

Rufat Sergeevich Tabasaranskiy — Postgraduate Student of the Department of Humanities Disciplines, Russian State Social University, Moscow, Russia.

tabasaranskiyrs@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7063-2973>

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Уважаемые авторы!

В нашем журнале публикуются как оригинальные, так и обзорные статьи по философским наукам. Журнал адресован философам-исследователям, представителям социально-гуманитарного знания, аспирантам и соискателям ученой степени — всем, кто интересуется философским осмыслением сущности человека и общества, проблемами познания, этики и философии культуры.

Редакция просит вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике», руководствоваться следующими требованиями:

- объем статьи — от 20 000 до 40 000 знаков с пробелами, включая рисунки, таблицы и графики, с учетом списка литературы (*не менее 20 000 и не более 40 000*);

- поля — по 2,5 справа, слева, сверху, снизу;

- шрифт — 14, Times New Roman;

- интервал — полуторный;

- красные строки — 1,25 (выставляются автоматически);

- для связи затекстовых библиографических ссылок с текстом документа используются отсылки, которые приводятся в тексте документа в квадратных скобках с указанием идентифицирующих сведений, например: [ФАМИЛИЯ автора, год издания, с. 17]; [ФАМИЛИЯ автора, год издания, с. 17–25] (обратите внимание, что указывается только ФАМИЛИЯ автора (авторов), без инициалов);

- в верхнем левом углу указывается тип статьи (обзорная; научно-теоретическая; научно-практическая; аналитическая; научно-публицистическая; научно-исследовательская);

- далее указывается классификационный индекс Универсальной десятичной классификации (УДК — <https://teacode.com/online/udc/>);

- далее — заглавие статьи на русском языке (выравнивание по центру, кегль шрифта — 14, буквы заглавные, выделение жирным шрифтом). В конце заглавия статьи точка не ставится;

- имя, отчество и фамилия (полностью) авторов (выравнивание по левому краю, кегль шрифта — 14, выделение жирным шрифтом, курсивом);

- информация о месте работы (учебы) автора(ов), электронные адреса, ORCID (Open Researcher and ContributorID — <https://orcid.org>) авторов указывается после имен авторов на разных строках и связывается с именами с помощью надстрочных цифровых обозначений — 1 (выравнивание по левому краю, кегль шрифта — 14, выделение жирным шрифтом, курсивом);

- перечень затекстовых библиографических ссылок, озаглавленный *Список источников* (кегель шрифта — 14, выравнивание по ширине страницы). Список оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.05–2008 «Библиографическая ссылка» и строится в порядке цитирования источников в тексте статьи;

- список источников на английском языке, озаглавленный *References*, в соответствии со стилем APA (7th edition) (<https://apastyle.apa.org>). В *References* необходимо полностью повторить список литературы к русскоязычной части, независимо от того, имеется или нет в нем иностранная литература. Последовательность авторов в *References* должна полностью совпадать с русскоязычным списком источников;

- в список источников включаются только **научно-исследовательские работы (научные статьи, монографии, книги)**, в том числе не менее 50 % зарубежных (за последние 3 года (Scopus) / 5 лет (Web of Science), с указанием DOI или URL национального архива для всех источников. Ссылки на **другие виды источников** (архивную, нормативную, публицистическую, справочную, учебно-методическую литературу, словари, авторефераты диссертаций и др.) оформляются внутри текста статьи **подстрочными ссылками** (в соответствии с ГОСТ Р 7.05–2008 «Библиографическая ссылка»);

- материал статьи должен отвечать требованиям оригинальности: не менее 75 % для обзорных (аналитических) рукописей; не менее 85 % для эмпирических.

Более подробно о требованиях к оформлению рукописи можно узнать на сайте: <https://philosophy.mgpu.ru/instrukciya-dlya-avtorov/>

Плата за публикацию статей в журнале не взимается.

По вопросам публикации статей в журнале «Вестник МГПУ. Серия «Философские науки» предлагаем обращаться к составителю — заместителю главного редактора *Светлане Васильевне Черненко* (ChernenkayaSV@mgpu.ru).

E-mail: vestnikphilosophya@mail.ru

Научный журнал / Scientific Journal
Вестник МГПУ.
Серия «Философия».

MCU Journal
of Philosophical Sciences

2023, № 2 (46)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № ФС77-62496 от 27 июля 2015 г.

Главный редактор:
доктор философских наук, профессор *А. В. Жукоцкая*

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т. П. Веденева*

Редактор:

А. В. Лященко

Корректор:

К. М. Музамилова

Технический редактор:

О. Г. Арефьева

Верстка:

А. В. Бармин

Научно-информационный издательский центр ГАОУ ВО МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.
Телефон: 8-499-181-50-36

Подписано в печать: 13.07.2023.
Формат: 70 × 108 ¹/₁₆. Бумага: офсетная.
Объем: 5,75 печ. л. Тираж: 1000 экз.